

Ю.В. ЕМЕЛЬЯНОВ

· ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ·

РАЗГАДКА 1937 ГОДА

Историческое расследование (Вече)

Юрий Емельянов

Разгадка 1937 года

«ВЕЧЕ»

2013

Емельянов Ю. В.

Разгадка 1937 года / Ю. В. Емельянов — «ВЕЧЕ»,
2013 — (Историческое расследование (Вече))

Более семидесяти лет событий 1937 года вызывают множество вопросов. Почему в Советской стране, переживавшей период всестороннего бурного развития, вдруг начались массовые аресты и расстрелы? Почему репрессии совпали с проведением первых в советской истории всеобщих, прямых, равных и тайных выборов? Кто хотел репрессий и кто больше всего пострадал от них? Каким образом их удалось прекратить? Был ли Сталин безумным маньяком? Кем были его политические противники в партии? Как Сталин одолел их? Что было главным идейным оружием Сталина? Каковы были достижения и теневые стороны сталинской революции сверху? Кем были коммунисты 30-х годов и многие ли из них знали марксизм-ленинизм? Кто стоял за убийством Кирова? Почему Серго Орджоникидзе покончил жизнь самоубийством? Каких перемен в обществе хотел Сталин и почему многие партийные руководители противились им? Сталин ли развязал те репрессии, которые ныне называют «сталинскими»? В книге раскрыты причины, движущие силы и острые перипетии внутрипартийной борьбы, которая сопровождалась беспрецедентным количеством арестов и казней за всю советскую историю. Этот кровавый и драматичный конфликт изобиловал острыми коллизиями и неожиданными поворотами. В то же время эта борьба не завершилась прекращением репрессий. В книге говорится, как и почему не была вовремя сказана правда о событиях 1937 года, как они стали минами замедленного действия, которые в конечном счете разрушили советский строй и Советский Союз. «Разгадка 1937 года» развенчивает мифы о событиях 75-летней давности, которые до сих пор затуманивают общественное сознание и мешают узнать историческую правду.

© Емельянов Ю. В., 2013

© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Чем запомнился 1937 год? (Вместо предисловия)	7
Глава 1. Миф о грубом и капризном деспоте	16
Глава 2. Кто такие троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы?	27
Глава 3. Почему советские люди пошли за Сталиным?	41
Глава 4. Главное идейное оружие Сталина	51
Глава 5. Кем были коммунисты 30-х годов?	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ю. В. Емельянов

Разгадка 1937 года

©Емельянов Ю.В., 2013

©ООО «Издательство «Вече», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Чем запомнился 1937 год? (Вместо предисловия)

В начале октября 2011 года, во время процесса, который происходил над бывшим премьер-министром Украины Ю.В. Тимошенко, последняя, выступая на митинге в центре Киева, заявила, что, начав против нее судебные преследования, украинские власти перенесли страну в 37-й год. Наверное, собравшимся на митинге, а также многим телезрителям Украины, России и других бывших республик СССР был понятен намек Юлии Владимировны на некоторые обстоятельства 1937 года, сделавшие его нарицательным понятием. Но вряд ли бывший украинский премьер и многие из тех, кто услышал ее заявление, задумывались о том, свидетелями скольких самых разнообразных событий они стали бы, если бы на самом деле вместо 2011 года наступил 1937 год.

Что же произошло в 1937 году? Справочное издание «Полная хронология XX века», составленное в Оксфорде и опубликованное в переводе издательством «Вече» в 1999 году, посвятило событиям того года на нашей планете пять с лишним страниц, заполненных удобным шрифтом. Среди них были упомянуты: состоявшаяся 12 мая 1937 года коронация в Лондоне Георга VI, принятие Ирландией первой конституции независимого государства, взрыв германского дирижабля «Гинденбург» в Нью-Йорке, национализация нефтяных месторождений в Мексике, волнения в Албании. Говорилось о сильнейших наводнениях на Среднем Западе США, в ходе которых миллионы людей лишились крова. Было упомянуто о том, что 7 июля 1937 года королевская комиссия Великобритании рекомендовала разделить подмандатную Палестину на два государства – еврейское и арабское. Мало кто сейчас помнит, что одна из вех на пути, который привел к многолетнему противостоянию в этом регионе мира, была пройдена в 1937 году.

Не обошла вниманием «Полная хронология» замечательные научные открытия и изобретения 1937 года, без которых мы ныне не мыслим современной жизни. В том году появился ксерокс. Впервые для лечения диабета был применен инсулин. Было осуществлено синтезирование витамина В. Был создан первый прототип реактивного двигателя. Фирма «Дюпон» получила патент на производство нейлона. В 1937 году в Сан-Франциско через пролив Золотые Ворота был открыт самый длинный подвесной мост. Сообщалось, что в 1937 году на острове Ява был найден череп питекантропа. О многих из этих достижений науки и техники люди помнят до сих пор, хотя зачастую они уже забыли, когда они были осуществлены.

«Полная хронология» напоминала, что в 1937 году были опубликованы до сих пор знаменитые книги: «Из Африки» писательницы Карен Бликсен (она писала под псевдонимом Айзек Денисен), «Иметь и не иметь» Эрнста Хемингуэя, «Цитадель» Арчибальда Д. Кронина, «О мышах и людях» Джона Стейнбека, «Снежная страна» Ясунари Кавабата. Эти книги и ныне составляют классику литературы XX века.

В «Полной хронологии» было сказано, что в том году были представлены зрителям полотна «Герника» Пабло Пикассо и «Сон» Сальвадора Дали, впервые прозвучали опера Карла Орфа «Кармина Бурана» и «Вариации на тему Фрэнка Бриджа» Бенджамина Бриттена, вышли в кинопрокат фильмы «Белоснежка и семь гномов», «Потерянный горизонт», «Пламя над Англией». Эти произведения также стали выдающимися явлениями мировой культуры.

Не были забыты и достижения советской культуры. В разделе «Музыка» была упомянута 5-я симфония Дмитрия Шостаковича, созданная в 1937 году. В разделе «Живопись, скульптура, изящные искусства, архитектура» было сказано, что на Парижской всемирной выставке «Вера Мухина показывает “Рабочего и колхозника” (монументальную скульптуру в стиле социалистического реализма, которую устанавливают над советским павильоном)».

Специфика справочного издания не позволила авторам «Полной хронологии» сообщить о том, что удивительным образом в той части Парижской всемирной выставки «Искусство и

техника в современной жизни», где был расположен советский павильон, невольно произошла молчаливая, но выразительная конфронтация двух великих держав.

Так получилось, что павильон нацистской Германии оказался расположен напротив советского павильона.

Архитектору германского павильона, будущему министру вооружений Альберту Шпееру, удалось заранее узнать хранившийся в тайне эскиз советского павильона. Шпеер вспоминал: «Скульптурная пара высотой в десять метров победоносно двигалась по направлению к германскому павильону. Поэтому я создал эскиз кубической массы, которая была поднята на мощные опоры. Казалось, что эта масса останавливает наступление фигур. В то же время на карнизе башни я поставил орла, который держал в когтях свастику. Орел сверху вниз смотрел на русскую скульптуру. Я получил золотую медаль выставки за павильон». Но Шпеер признавал, что «такой же награды удостоились и советские коллеги».

Молчаливая конфронтация двух держав в 1937 году на Всемирной выставке словно предвещала предстоящий конфликт между ними. Но в 1937 году угроза свастики нависла не только над Советской страной. В своем выступлении перед офицерами вермахта в январе 1937 года шеф СС Генрих Гиммлер заявил: «Мы более ценны, чем другие, которые превосходят и всегда будут превосходить нас численно. Мы более ценны, потому что наша кровь позволяет нам создавать больше, чем остальным, и быть лучшими вождями для нашего народа, чем остальные... Давайте раз и навсегда уясним себе, что следующие десятилетия будут означать борьбу, ведущую к уничтожению во всем мире всех тех недочеловеков, которые противостоят немцам – главному народу арийской расы, единственному носителю мировой культуры». По приказу рейхсфюрера СС в 1937 году вблизи от Веймара был создан очередной лагерь для «недочеловеков» – Бухенвальд.

О том, что враги человечества были готовы перейти от угроз к военным действиям, свидетельствовала продолжавшаяся в 1937 году гражданская война в Испании. Поэтому эта страна была упомянута в «Полной хронологии» чаще других в перечне событий 1937 года – более десятка раз. Трехлетняя кровопролитная война, в которой на помощь мятежникам во главе с Франко пришли вооруженные силы Германии и Италии, razорила и опустошила Испанию. По приблизительным подсчетам, число погибших в этой войне составило более полумиллиона человек (при тогдашнем населении страны около 25 миллионов). На стороне Испанской республики сражались военнослужащие различных родов войск Красной Армии. Так в Западной Европе за 4 года до начала Великой Отечественной войны советские люди вступили в бой с фашизмом.

Но гражданская война в Испании способствовала также сплочению агрессоров. В сентябре 1937 года состоялась встреча Гитлера с Муссолини, а 6 ноября 1937 года Италия вступила в Антикоминтерновский пакт. Этот пакт, нацеленный прежде всего против СССР, был подписан за год до этого в Берлине представителями Германии и Японии. 7 июля 1937 года без объявления войны японские войска напали на станцию Лугоуцяо по Бэйпин-Ханькоуской дороге и возле старинного моста Марко Поло. Так началась агрессия милитаристской Японии против Китая. Вторжение японских войск сопровождалось исключительной жестокостью. Только в ходе резни в захваченном японцами Нанкине было убито около четверти миллиона мирных жителей, о чем сказано в «Полной хронологии». За восемь лет войны было уничтожено 37 миллионов китайцев.

С самого начала войны Советский Союз протянул руку помощи Китаю. 21 августа 1937 года СССР заключил договор о ненападении с Китаем. А вскоре советские летчики стали защищать китайское небо от японских агрессоров.

Как отмечалось в «Полной хронологии», фашисты и нацисты активизировались и в других странах. 17 октября 1937 года в Судетской области Чехословакии произошли беспорядки, спровоцированные судетскими нацистами. Так начиналась гитлеровская кампания по захвату

Судет, а затем и всей Чехословакии. Под давлением Германии 15 января 1937 года в Австрии было объявлено об амнистии австрийских нацистов. Так готовился аншлюс. Активизировались фашисты и в других государствах Европы. 16 октября 1937 года произошло слияние фашистских групп в Венгрии в Национал-социалистическую партию.

Тем временем в Третьем рейхе полным ходом велась подготовка к завоевательным походам. Для реализации агрессивных целей был избран метод «молниеносной войны». При этом ведущая роль отводилась танкам. Еще зимой 1936/37 года генерал-майор Гейнц Гудериан изложил идею первостепенного значения танков в современной войне в книге «Внимание! Танки!». Ее основные положения были изложены в статье, опубликованной в военном журнале 15 октября 1937 года. Гудериан получил возможность продемонстрировать значение бронетанковых войск во время военных маневров, устроенных осенью 1937 года. На них присутствовали Б. Муссолини с итальянской военной миссией, английский фельдмаршал С. Деверел и члены венгерской военной миссии.

Германия быстро наращивала производство самолетов. В 1937 году только боевых самолетов в люфтваффе было 4753. Нарастивался парк артиллерии. Возрастала численность пехоты, вооруженной самым современным огнестрельным оружием.

5 ноября 1937 года Гитлер провел секретное совещание с высшими военными и государственными деятелями Германии. На нем он изложил программу захватов, которая вскоре стала воплощаться в действие. Гитлер говорил: «Цель германской политики состоит в создании безопасности и сохранении расовой общности, а также расширении ее пространства. Это – вопрос жизненного пространства». Немцы, говорил Гитлер, «имеют право на более значительное жизненное пространство, чем другие народы... Поэтому будущее Германии целиком зависит от удовлетворения ее потребности в пространстве». Гитлер утверждал, что эта потребность может быть удовлетворена не в Азии и Африке, а «в непосредственной близости к рейху».

Гитлер указывал, что «проблема Германии может быть разрешена лишь с помощью силы и не без риска». Авантюрист спешил. Он исходил из того, что критическими годами являются 1943–1945 годы. «После этого времени, – подчеркивал Гитлер, – перемены будут лишь к худшему... Пока остальной мир наращивает оборону, мы должны предпринять наступление. Никто не знает, каким будет положение в 1943–1945 гг. Очевидно одно: ждать больше нельзя. Если фюрер еще будет жив, то он будет преисполнен решимости урегулировать германскую проблему пространства по крайней мере к 1943–1945 гг.» Эти планы стали руководством к действию гитлеровской Германии.

«Рабочий и колхозница», которые смело шагали вперед, словно не страшась зловещего символа гитлеризма, олицетворяли динамизм и решительность молодой Советской страны. Для того чтобы отразить неминуемое нападение гитлеровской Германии, СССР предпринимал напряженные усилия. 1937 год стал годом успешного завершения второго пятилетнего плана.

За годы второй пятилетки было построено 4500 новых крупных промышленных предприятий. Теперь СССР полностью обеспечивал необходимой техникой свою промышленность, сельское хозяйство и нужды обороны. Прекратился ввоз тракторов, сельскохозяйственных машин, паровозов, вагонов, врубных машин и почти полностью – паровых котлов, подъемного транспортного оборудования.

Продукция всей промышленности СССР к концу 1937 года выросла в 2,2 раза по сравнению с 1932-м, в 5,9 раза по сравнению с 1913-м. США для такого роста промышленности потребовалось почти 40 лет – примерно с 1890 по 1929 год. СССР вышел на первое место по объему промышленной продукции в Европе и на второе место в мире после США. Доля СССР в мировом производстве составила 10 %. (До революции доля царской России в мировом производстве составляла 3–4 %.)

По мере бурного развития промышленности в стране росли новые города, перестраивались и модернизировались города старые. Городское население СССР за годы двух пяти-

леток выросло почти в два раза – с 26 до 56 миллионов человек. Описывая в своей книге Москву 1937 года, Лион Фейхтвангер писал: «Повсюду непрерывно копают, шурфуют, стучат, строят, улицы исчезают и возникают; что сегодня казалось большим, завтра кажется маленьким, потому что внезапно рядом возникает башня, – все течет, все меняется». Одним из заметных событий 1937 года стало завершение строительства канала Москва – Волга, открытого 15 июля 1937 года, через 10 лет названного каналом имени Москвы.

Значительные перемены произошли на селе. К 1937 году колхозы объединили 93 % крестьянских дворов и имели свыше 99 % всех посевных площадей. Одновременно произошла техническая революция в земледелии. Если в 1928 году в сельском хозяйстве страны имелось 27 тысяч тракторов, 2 (два!) зерновых комбайна и 700 грузовиков, то в 1937 году на селе работали 456 тысяч тракторов, 129 тысяч комбайнов, 146 тысяч грузовых автомобилей. Посевные площади увеличились на треть – со 105 миллионов га в 1913-м до 135,3 миллионов га в 1937 году.

Рост промышленной и сельскохозяйственной продукции перед войной отразился на повышении уровня жизни. В результате 1937 год, как 1936 и 1938 годы, был отмечен небывалым ростом рождаемости в СССР, поэтому в конце войны в школах создавали так много параллельных классов для рожденных в эти годы.

Быстрыми темпами совершалась культурная революция в нашей стране. К 1937 году за 20 лет советской власти была полностью ликвидирована неграмотность. С 1930 года было введено всеобщее обязательное начальное обучение в сельской местности и семилетнее в городах и рабочих поселках на языках 70 национальностей. За 1929–1937 годы было построено 32 тысячи школ. Число учащихся начальных и средних школ составило в 1938 году свыше 30 миллионов человек (в 1914 году – 9,6 миллиона, в 1928 году – 11,6 миллиона). Широко развивалось высшее и профессионально-техническое образование.

По мере роста образования население страны приобщалось к великим достижениям отечественной и мировой культуры, которые пропагандировались через печать и радио, растущую сеть клубов и театров. По всей стране были проведены торжественные мероприятия в связи со 100-летием со дня смерти А.С. Пушкина. К этой дате были выпущены многомиллионными тиражами сочинения великого поэта, состоялись торжественные собрания и концерты.

Завершение второй пятилетки было отмечено новыми успехами советской науки и техники. В мае 1937 года впервые в мире на Северный полюс была высажена научная экспедиция, в которую входили И.Д. Папанин, П.П. Ширшов, Е.К. Федоров, Э.Т. Кренкель. (Об этом событии вспомнила «Полная хронология».) Отважные полярники в течение 270 дней вели работу на дрейфующей льдине в Северном Ледовитом океане. 18–20 июня 1937 года был осуществлен первый в мире беспосадочный перелет В.П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова и А.В. Белякова Москва – Портленд (США) через Северный полюс. А через месяц перелет через Северный полюс в США совершил самолет с экипажем из М.М. Громова, А.Б. Юмашева, С.А. Данилина. По стране гремела песня о том, как на полярной льдине «берегли четыре друга красный стяг родной земли». Дети на утренниках читали стихи: «Взгляните-ка на малого, похожего на Чкалова, иль, может быть, на Громова, всем гражданам знакомого».

Менее известным событием стало создание в 1937 году в ленинградском Радиевом институте первого циклотрона в Европе усилиями профессоров И.В. Курчатова, А.И. Алиханова и других впоследствии прославленных ученых-физиков. Так в 1937 году закладывались основы для отпора американским планам ядерного уничтожения нашей страны после 1945 года.

Советская наука и техника вооружала Красную Армию. Советская оборонная промышленность создавала все более совершенные танки, самолеты, артиллерийские орудия. В течение второй пятилетки были сняты с вооружения танки иностранного производства. Вместо них в армию поступали отечественные танки, броня которых становилась все крепче. Если в

1929 году в вооруженных силах 82 % самолетов были разведывательными, то к концу второй пятилетки имелось 52 тысячи бомбардировщиков и штурмовиков, 38,6 тысячи истребителей и 9,5 тысяч разведывательных самолетов. Численность советских вооруженных сил к 1937 году была доведена до 1 433 тыс. человек.

Советский Союз не только демонстрировал свои успехи в развитии экономики, образования, культуры, науки и укреплении своей обороны. Важным свидетельством политических перемен в жизни советского общества стало принятие накануне начала 1937 года новой Конституции СССР и проведение в соответствии с ней в декабре 1937 года выборов в Верховный Совет СССР. Впервые за 20 лет советской власти состоялись всеобщие, тайные, равные, прямые выборы без каких-либо ограничений по социальному или политическому признаку. И в этом также проявилось противостояние СССР гитлеровской Германии. В то время как в Третьем рейхе не прекращались проклятия в адрес демократических институтов, СССР демонстрировал растущую демократизацию государственной и политической жизни.

Успехи Советского Союза вызывали восхищение его друзей. В своем приветствии по случаю 20-летия Великой Октябрьской социалистической революции выдающийся американский писатель Теодор Драйзер писал в «Правде» 7 ноября 1937 года: «Использовать труд, сельское хозяйство, промышленность, естественные богатства, технику, человеческие знания, власть человека над природой, использовать всё это на благо всех трудящихся, для того, чтобы обеспечить всем зажиточную и культурную жизнь, – вот урок, который советская революция преподает остальному человечеству».

В конце своей книги «Москва, 1937» Лион Фейхтвангер был более сдержан в своей оценке, но она была недвусмысленной: «Подводя итог сказанному, становится ясно, что Советский Союз таит в себе еще много неразрешимых проблем. Но то, что сказал Гёте о человеческом существе, может быть вполне приложимо к государственному организму: “Значительное явление всегда пленяет нас; познав его достоинства, мы оставляем без внимания то, что кажется нам в нем сомнительным”. К этому писатель добавлял: “Когда из гнетущей атмосферы изолгавшейся демократии и лицемерной гуманности попадаешь в чистый воздух Советского Союза, дышать становится легко... Как приятно после несовершенства Запада увидеть такое произведение, которому от всей души можно сказать: да, да, да!”»

Даже недруги были вынуждены признавать советские достижения. В Латвии, в которой Компартия была запрещена, а коммунисты сидели в тюрьмах, по случаю 20-й годовщины Октябрьской революции в буржуазных газетах были опубликованы статьи, в которых высоко оценивались достижения Советской власти.

Лишь в одной стране успехи СССР вызывали лишь потоки злобной клеветы – в гитлеровской Германии. Находясь на полярной станции, ее радист Эрнст Кренкель порой слушал и переводил полярникам гитлеровские передачи. Они поражались чудовищности вымыслов нацистской пропаганды относительно советской жизни 1937 года.

Вряд ли Кренкель, Папанин, Ширшов и Федоров, а также миллионы советских людей могли догадаться, что через несколько десятилетий о 1937 году лишь немногие средства массовой информации России и других республик, созданных на развалинах СССР, вспомнят через 75 лет про папанинцев, Чкалова, Громова и других летчиков, про 75-летие Парижской выставки, триумф советского павильона и мухинской скульптуры, олицетворявшей огромные успехи Советской страны.

Ныне средства массовой информации России не напоминают гражданам страны о гибели сотен тысяч испанцев и китайцев от рук фашистов и милитаристов. Лишь вскользь и редко они говорят об агрессивных планах Гитлера, изложенных им в 1937 году. Умалчивают они о том, что Антикоминтерновский пакт был направлен прежде всего против Советского Союза, а потому советские люди напряженно трудились, чтобы отразить готовившееся нападение гитлеровской Германии, милитаристской Японии и их союзников. Ныне нас убеждают в том, что

между советским строем и нацистским не было никакой разницы, в то же время повторяя многие из вымыслов геббельсовской пропаганды 1937 года, которую слышали папанинцы на Северном полюсе.

Страна, олицетворением которой для всего мира стали Колхозница с Серпом и Рабочий с Молотом, уверенно идущие вперед широкими шагами, теперь объявлена страной рабства, голода, беспросветной нищеты и всеобщего страха. Под влиянием этой пропаганды понятие «37-й год» давно стало использоваться для обозначения жестоких массовых репрессий против невинных людей, к которым относил себя и Юлия Владимировна Тимошенко в своем выступлении на упомянутом выше митинге в Киеве.

Преобразование номера года в расхожее понятие с определенным политическим оттенком привело к тому, что другие выдающиеся события, случившиеся в 1937 году и в значительной степени повлиявшие на всемирную историю, оказались забытыми. Сложная, противоречивая и многокрасочная история 1937 года была перечеркнута и подменена мрачным рассказом о репрессиях, происшедших в СССР в том году.

В то же время рассказ о советской жизни 1937 года, лишь как о череде блистательных успехов, так же не позволяет увидеть полную картину событий того года в СССР. Те «сомнительные» черты, которые оставил «без внимания» Лион Фейхтвангер в заключение своей небольшой книги о нашей стране в 1937 году, на самом деле скрывали наличие глубоких общественно-политических противоречий внутри советского общества. Эти противоречия привели к обострению внутривластной борьбы в СССР, которая привела к массовым репрессиям.

Хотя «Полная хронология» упомянула лишь о двух судебных политических процессах, состоявшихся в Москве в 1937 году, их было гораздо больше. О масштабе репрессий свидетельствовали данные о числе лиц, подвергнутых преследованиям в 1937 году и в следующем, 1938 году. За эти два года в СССР было арестовано 1 372 392 человек. Из них 681 692 были казнены. А это значит, что за эти два года произошла треть всех арестов, происшедших в СССР с 1921 по 1953 год. 85 % всех казней, совершенных в СССР с 1921 по 1953 год, приходится на эти два года.

Казалось бы, более чем полувековое внимание к этим репрессиям со времен доклада Н.С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС могло бы давно увенчаться раскрытием их причин, характера и последствий. Однако этого не произошло. Хотя было доказано, что многие заявления Хрущева в его докладе были лживыми, их продолжали повторять и даже существенно добавлять к ним новые небылицы. В результате за 56 лет после доклада Хрущева путаница в освещении событий 1937 года лишь возросла.

Раскрытие архивных данных о репрессиях после 1991 года позволило увидеть, что информация, распространявшаяся до тех пор, сильно искажала многие существенные стороны репрессий. Однако, несмотря на появление этих точных сведений, в средствах массовой информации, книгах и даже в учебниках продолжали использовать неверные данные.

Во-первых, число репрессированных было сильно искажено. Если верить историку Рою Медведеву и другим, в 1937–1938 годах по политическим мотивам было арестовано от 5 до 7 миллионов человек. Авторы учебника для высших учебных заведений «Отечественная история» (под редакцией профессора Р.В. Дегтяревой и профессора С.Н. Полторака) утверждали, что в 1937–1938 годах «за два года были репрессированы миллионы человек... Общее число жертв превысило 2 млн человек». На основе же изучения множества архивных материалов автор книги «Поверженная держава» М.И. Козин пришел к иным выводам: «Всего за 1937–1938 гг. арестованы 1 372 392 чел.» Поскольку помимо арестованных в 1937–1938 годах в заключении находились люди, посаженные до 1937 года, к 1 января 1939 года в колониях и лагерях ГУЛАГа находилось 1 672 438 человек. Из них в лагерях осужденных за контрреволюционные преступления находилось 454 432 человека, или 34,5 % от общего числа обита-

телей лагерей. Таким образом, число репрессированных за политические преступления было преувеличено в несколько раз.

Во-вторых, совершенно неверными были широко распространенные суждения о том, кто преобладал среди репрессированных. Многие утверждали, что большинство репрессированных составляли члены коммунистической партии. Доказывая это, известный публицист Вадим Кожинов замечал, что общее число членов и кандидатов в члены ВКП(б) к XVII съезду партии составляло около 2,8 млн человек. Он указывал, что к XVIII съезду полноправными членами ВКП(б) должны были стать не менее 2,8 млн человек. «Однако, – подчеркивал Кожинов, – к марту 1939 года членов ВКП(б) имелось не около 2,8 млн, а всего лишь 1 млн 588 тыс. 852 человека – то есть на 1 млн 220 тыс. 932 человека меньше, чем насчитывалось совместно членов и кандидатов в члены в январе 1934! И эта цифра, фиксирующая “убыль” в составе ВКП(б), близка к... цифре, зафиксировавшей количество репрессированных («политических») в 1937–1938 годах (1 млн 344 тыс. 923 человека)».

Из сходства двух количественных показателей следовал ошибочный вывод: репрессированы были главным образом члены ВКП(б). Это некорректное суждение было взято на вооружение другими авторами. Вывод Кожинова был повторен авторами учебного пособия «Основы курса истории России» под редакцией А.С. Орлова, В.А. Георгиева, А.В. Полунова, Ю.Я. Терещенко. В пособии утверждалось, что, хотя «точных и официальных данных о числе репрессированных коммунистов нет... по данным историков, их численность превысила 1,3 миллиона человек».

Между тем, по данным оперуполномоченного учетно-архивного отдела КГБ при Совете Министров СССР Сергеева от 10 августа 1962 года, в 1937 году были репрессированы 55 428 членов и кандидатов в члены партии. В 1938 году были репрессированы 61 457 членов и кандидатов в члены партии. Это означает, что в 1937–1938 годах были репрессированы 116 885 членов и кандидатов в члены партии, то есть в 11 раз меньше, чем на самом деле. Доля репрессированных среди членов партии составила не 43,6 % от ее общего состава, если верить Кожинову, а 4,2 %. Среди же общего числа репрессированных члены и кандидаты в члены партии составили 8,5 %, а не свыше 90 %, если принять на веру версию Кожинова.

На самом деле около половины из тех, кто был подвергнут репрессиям в 1937 году, были бывшие «кулаки» и те, кто их поддерживал. Около 25 % репрессированных составляли лица, осужденные за уголовные преступления. Многие из них уже отбыли наказания за свои преступления. Некоторые же находились в заключении. Около 25 % арестованных считались «активными антисоветскими элементами». Среди них были главным образом бывшие полицейские, жандармы, офицеры белых армий, члены некоммунистических партий, а также священники. (На долю последних приходилось 3 % от всех арестованных.) В эту группу включали и арестованных коммунистов, которые составляли в ней меньшинство.

В-третьих, есть основания считать, что не все репрессированные были невиновными людьми, как это следовало из сообщений комиссии по реабилитации. В своей книге «Сталинские репрессии. Великая ложь XX века» Дмитрий Лысков сообщил, что за 15 месяцев работы комиссия по реабилитации пересмотрела 1 002 617 уголовных дел репрессивного характера на 1 586 104 человек. Комментируя этот факт, Д. Лысков писал: «Темпы пересмотра и реабилитации поистине фантастические, полтора миллиона реабилитировано за 15 месяцев работы комиссии, по 67 тысяч дел в месяц, более чем по две тысячи в день. Масштабы реабилитации заставляют усомниться, проводились ли вообще по этим делам судебные заседания. Рассмотрение в течение года такого объема дел парализовало бы всю судебную систему СССР. А если вопросы рассматривались списочно, в административном порядке, о каком возрождении уважения к конституционным нормам может идти речь?»

Неясность вопроса о вине репрессированных привела к появлению точки зрения о том, что большая часть их были виновны. Утверждали, что репрессии 1937 года были справедливым

возмездием тем, кто в предшествующие десятилетия допустил беззакония. Говорили и о том, что репрессии были необходимым профилактическим мероприятием, так как способствовали ликвидации тех, кто мог бы оказаться предателем Родины в годы грядущей войны.

В результате оказались запутанными важнейшие вопросы: кто, сколько и за что были репрессированы в 1937–1938 годах? Никто не пытался разобраться, были ли виновные среди репрессированных, а, если это так, то в чем была их вина и сколько было виноватых.

Туманные и противоречивые объяснения предлагались в ответ на вопрос: зачем нужны были массовые репрессии? Ведь они происходили во время подъема экономики, а не в период кризиса, когда могли быть социальные волнения или иные проявления массового недовольства, в период мира в стране, а не в ходе гражданской войны. Не было ясных ответов и на вопрос: каким образом принятие новой Конституции СССР и проведение первых в истории страны всеобщих, тайных, прямых и равных выборов сочетались с осуществлением широко-масштабных репрессий?

Однако между сторонниками противоборствующих лагерей было согласие относительно того, кто развязал репрессии. И те, кто осуждал репрессии, и те, кто их оправдывал и даже в значительной степени одобрял, единодушно объявляли Сталина главным инициатором и организатором репрессий 1937 года. Правда, одни объявляли Сталина палачом «лучших людей страны», а другие – спасителем от «пятой колонны».

С одной стороны, в своем докладе на XX съезде Хрущев возложил основную вину на Сталина, сказав: «Всё решал Сталин. Он сам был Главным Прокурором во всех этих делах. Сталин не только соглашался на все эти аресты, он сам, по своей инициативе, давал распоряжения об аресте». С другой стороны, утверждая, что в ходе репрессий 1937 года было посажено и казнено немало вредных людей, Вадим Кожинов вынес слова «сталинские репрессии» в заглавие своей книги (Вадим Кожинов. «Правда сталинских репрессий»).

Благодаря такому единодушию понятия «сталинские репрессии» и «сталинские лагеря» стали такими же расхожими понятиями, как и «37-й год». Однако, с одной стороны, было неясно, почему Сталин, который к 1937 году одержал победы над всеми своими политическими противниками, окруженный почти всеобщим обожанием, вдруг решил осуществить массовые политические репрессии. С другой стороны, сам масштаб репрессий заставлял усомниться в том, мог ли Сталин физически давать распоряжения или хотя бы согласие на аресты и казни такого количества людей.

Удивительным образом, несмотря на очевидные искажения истины, а также нелепости и логические нестыковки, многие люди продолжали твердить о «1937 годе» и «сталинских репрессиях» как о хорошо известных и доказанных предметах. На самом же деле события 75-летней давности остались для многих людей запутанной и неразрешенной загадкой.

Между тем за последние годы появилось немало исследований, в которых на добротной документальной основе раскрыты многие стороны тех событий. На основе недавно вновь введенных в научный оборот архивных данных Юрий Жуков, Дмитрий Лысков, Леонид Наумов, Михаил Тумшис, Александр Папчинский и другие историки представили убедительные свидетельства, которые полностью разбивают расхожие представления о 1937 годе. В их книгах содержатся уникальные сведения о событиях 1937–1938 годов, приведены многочисленные цитаты из документов и протоколов заседаний, множество количественных данных о числе репрессированных. Ныне ясно, что без этих исследований, особенно без книги Жукова «Иной Сталин», невозможно правильно понять события тех лет.

Всемерное распространение сведений и выводов, которые изложены вышеназванными и другими авторами, позволяет по-иному рассмотреть историю 1937 года, и автор данной книги попытался соединить вместе многое из того, что было сказано в их произведениях.

В то же время эти авторы, сосредоточившись на установлении подлинных фактов 1937 года, зачастую обходили вниманием события предыдущих лет советской истории, хотя

истоки указанных событий вели к первым годам Октябрьской революции и даже предреволюционной истории. Как правило, не касались они и тех изменений, которые происходили в социальном составе партии, уровне образования ее членов, их трудовом опыте, а также различий между членами партии в зависимости от их партийного стажа. Между тем эти обстоятельства играли существенную роль в событиях 1937 года.

К тому же, как правило, эти исследователи не затрагивали вопросы марксистско-ленинской теории. Хотели этого авторы или нет, но они продемонстрировали несерьезное отношение к марксистско-ленинской теории, сложившееся у многих советских людей в последние годы советской власти. К этому времени многие авторы книг, которые должны были пропагандировать это учение, делали это неглубоко, поверхностно и формально. А поэтому изучение марксизма-ленинизма для многих представлялось ненужным и довольно скучным занятием. Слова о значении марксистско-ленинской теории превратились в пустые ритуальные формулы, свидетельствующие скорее о желании доказать свою лояльность Коммунистической партии и существующему строю.

Между тем, игнорируя значение марксистско-ленинской теории для формирования политики партии, невозможно понять советскую историю, включая события 1937 года. Конфликты, которые привели к событиям 1937 года, были облечены в форму острых дискуссий по идейно-теоретическим вопросам. Вопрос об уровне идейно-теоретической подготовки членов партии обсуждался не раз на съездах партии и оказался в центре внимания февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК.

Но дело не только в «форме». Марксистско-ленинская теория играла роль не религиозного ритуала, а средства познания окружающей действительности и являлась, по словам Ленина, «руководством к действию». Отнюдь не формальным. Марксизм-ленинизм служил его сторонникам действенным инструментом революционного преобразования общества. Поэтому для Сталина, который играл одну из главных ролей в тех событиях, вопросы марксистско-ленинской теории, плохое владение этой теорией членами партии, особенно руководящими, имела не формальное, а весьма существенное значение. Считать, что Сталин постоянно прибегал к марксистско-ленинским теоретическим положениям, сетовал по поводу незнания марксизма-ленинизма руководящими деятелями партии лишь для того, чтобы прикрыть свои политические маневры, значит ничего не понять ни в деятельности Сталина, ни в событиях 1937–1938 годов.

Лишь обратив внимание на многие существенные стороны предшествующей истории Советской страны, Коммунистической партии, а также на вопросы теории в политической борьбе тех лет можно приблизиться к разгадке событий 1937 года.

Глава 1. Миф о грубом и капризном деспоте

Поскольку в центре дискуссий о событиях 1937 года неизменно встает фигура Сталина, с него и следует начать раскрытие загадки. Поскольку же события 1937 года представлялись чудовищно абсурдными и многие не могли найти им разумных объяснений, то уже на XX съезде КПСС Хрущев истолковал их дурными качествами Сталина, который изображался то как грубый и капризный деспот, то как маниакальный параноик.

Разоблачая «культ личности», доказывая неправомочность преувеличения роли личности в истории, Хрущев описал советскую историю таким образом, что получалось, будто лишь по воле Сталина в стране творились всевозможные безобразия. Вспоминая свои первые впечатления от доклада Хрущева на XX съезде, председатель Госплана Н.К. Байбаков писал, что докладчик создавал новый «культ – только уже “антивождя”».

Хотя доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС был озаглавлен «О культе личности и его последствиях», обсуждение теоретического вопроса о «культе личности» в нем было сведено к минимуму. Зато в докладе было много сказано об отрицательных свойствах характера Сталина. Хрущев приводил многочисленные примеры того, как они стали причиной репрессий 30-х годов.

Свою негативную характеристику Сталина Хрущев открывал цитированием известных слов Ленина в надиктованном им в конце 1922 – начале 1923 года «Письме к съезду»: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и общениях между нами коммунистами, становится нетерпимым в должности Генсека». Ленин также написал: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть. И я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Ленин предлагал заменить Сталина на этом посту человеком, который «должен обладать большим терпением, большей лояльностью, большей вежливостью и более внимательным отношением к товарищам, быть менее капризным и т. д.».

Однако Хрущев умолчал о том, что цель ленинского письма состояла не в отстранении Сталина от власти, а в принятии мер для предотвращения раскола партии. Крайне опасаясь столкновения между Сталиным и Троцким, которое могло повлечь начало острой внутрипартийной борьбы, Ленин продумывал пути для нейтрализации и того, и другого. В «Письме» содержались также критические высказывания о Троцком, Зиновьеве, Каменеве, Бухарине и Пятакове. Наиболее существенным было предложение Ленина о расширении состава ЦК партии за счет 50—100 рабочих. В письме высказывались и другие соображения. Поэтому его содержание никак нельзя было сводить к критике Сталина.

К тому же Хрущев игнорировал то обстоятельство, что это письмо было продиктовано тяжело больным, отчасти парализованным человеком, который, судя по записям его сестры, Марии Ульяновой, то рыдал от отчаяния, то думал о самоубийстве. Скрыл Хрущев и то, что по решению Политбюро Сталину 18 декабря 1922 года было поручено контролировать соблюдение Лениным строгого больничного режима, установленного врачами. Этот режим требовал ограничения чтения и письменной работы. Однако Ленин при потворстве его жены Н.К. Крупской нарушал требования врачей и крайне болезненно воспринимал контроль Сталина за его лечением. Особенно возмутило Ленина резкое осуждение Сталиным Крупской, мешавшей соблюдению лечебного режима своего мужа. Ленин воспринял озабоченность Сталина по поводу состояния его здоровья как проявление «грубости», «капризности», «нелояльности».

Вряд ли характеристика Сталина Лениным была полной и справедливой. Ленин ни слова не сказал о таких качествах Сталина, как его трудолюбие, ответственное отношение к делу, старательное изучение любого вопроса, железная воля. При этом Ленин не вспоминал, что не раз публично давал высокие оценки положительным качествам Сталина.

Примерно за год до своего «Письма», отвечая на жалобы троцкистов о недопущении их к управленческим должностям, Ленин замечал: «Вот Преображенский здесь легко бросил, что Сталин в двух комиссариатах... Что мы можем сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разобраться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Это все политические вопросы! А разрешать эти вопросы необходимо, это вопросы, которые сотни лет занимали европейские государства, которые в ничтожной доле разрешены в демократических республиках. Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей нации мог пойти и подробно рассказать в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина... Тоже относительно Рабкрина. Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах».

В своем письме Иоффе, который жаловался на то, что его перебрасывают с одного поста на другой, Ленин ссылаясь на Сталина, который безропотно выполняет различные поручения партии, не жалуясь и не капризничая.

В то же время некоторые обвинения, предъявленные Лениным Сталину, он мог бы с таким же успехом предъявить к другим своим коллегам и к самому себе. В речах и статьях, приказах и распоряжениях всех советских руководителей, включая Ленина, зачастую звучали грубые слова и угрозы, обидные сравнения. А в ряде поступков советских руководителей можно было увидеть проявления капризности. Известно, что заявлениями о личных обидах, не всегда обоснованными, и сценами с угрозами уйти в отставку успели отличиться за первые годы советской власти не только Сталин, но и другие руководители страны, такие как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков и сам Ленин.

Между тем еще с середины 20-х годов односторонняя характеристика Лениным Сталина в «Письме» и его постоянное цитирование использовались оппозиционерами для атак на Сталина. Затем, после XX съезда КПСС, в 1956 году, хрущевская интерпретация стала служить в течение многих лет для официальной характеристики Сталина и его деятельности, а заодно и многих лет истории советской власти. Даже в статьях, посвященных сталинским юбилеям или размещенных в энциклопедиях, неизменно приводили слова Ленина о Сталине из «Письма к съезду».

В результате миллионы советских людей, а также жителей стран, союзных с нашей страной, поверили тому, что «грубость» Сталина являлась главной чертой его характера. Многие до сих пор объясняют «грубостью» Сталина все несчастья, которые случились с нашей страной в годы его пребывания у власти, и даже в победах под его руководством склонны видеть лишь торжество «грубой силы».

Именно так объясняли успехи Сталина его политические противники. Стараясь принижать интеллектуальные способности Сталина, они на все лады твердили о его необразованности и ограниченности его ума. В своей недописанной книге, посвященной Сталину, Троцкий писал о нем: «Ни теоретического воображения, ни исторической дальнорзоркости, ни дара предвосхищения у него нет... В области познания, особенно лингвистики, малоподвижный ум Сталина всегда искал линии наименьшего сопротивления... Сила воли Сталина не уступает, пожалуй, силе воле Ленина. Но его умственные способности будут измеряться какими-нибудь десятью-двенадцатью процентами, если принять Ленина за единицу измерения. В свою очередь, в области интеллекта у Сталина новая диспропорция: чрезвычайное развитие практической проницательности и хитрости за счет способности обобщения и творческого воображения».

Ныне эти оценки широко распространены в нашей стране. При этом многие люди противопоставляют «интеллигентов» Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина «неотесанному», «необразованному» и «грубому» Сталину. Мало кто из этих критиков Сталина догадывается,

что ни у одного из вышеназванных оппонентов Сталина не было высшего образования. Хотя Бухарин, Троцкий, Каменев числились студентами, все они были исключены из университетов уже на первом курсе за участие в революционной деятельности. Не закончил Бернского университета и Зиновьев. Все они пополняли свои знания путем самообразования в последующие годы.

Противники Сталина постоянно твердили, что он – «недоучившийся семинарист», и заявляли, что его духовное образование было ущербным и лишь породило в нем склонность к догматизму. Так, Адам Улам замечал, что в семинарии не было курсов естественных наук и не изучались современные иностранные языки. На этом основании Улам делал два вывода. Во-первых, он считал, что из-за этого «в ходе своей революционной учебы Сталин никогда не смог добиться понимания немецкой мысли в той степени, в какой это было необходимо для будущего марксистского руководителя». Во-вторых, «нехватка подготовки в предметах, позволявших освоить научный метод мышления, а также отсутствие математики, несомненно способствовало его обскурантизму и отрицанию им чистой научной теории, что нанесло огромный ущерб советской науке и советским ученым».

Разумеется, семинария могла дать Сталину лишь то, что она могла дать. Возможно, что для него было бы лучше, если бы он еще в период своей учебы в духовных учреждениях имел возможность получить более углубленное и современное образование по ряду предметов. В то же время тенденциозность и ошибочность многих из комментариев по поводу семинарского обучения Сталина в значительной степени объясняются не только враждебностью их авторов к Сталину, но и их неприязнью к православной церкви.

Между тем в Тифлисской семинарии были свои положительные стороны для развития ума и стимулирования интереса к знаниям. Богословские занятия развивали память, умение глубоко разбирать тексты и логически рассуждать. Строгая дисциплина не слишком позволяла учащимся отвлекаться от занятий. Семинаристы, закаленные еще в духовных училищах на текстах богословской литературы, впоследствии без особого труда переваривали сложные философские и естественно-научные сочинения.

Даже суровые ограничения семинарии в отношении информации из внешнего мира имели свои положительные стороны, ибо заставляли учеников с такой жадностью осваивать знания, которая была немыслима для студентов вольных университетов. Любая книга, которая попадала к семинаристам, страдавшим от недостатка информации, любая публичная лекция, услышанная ими, становилась предметом их дотошного изучения, пересудов, споров, а потому ученики духовных училищ извлекали гораздо больше ценного из ограниченного объема информации, чем университетские студенты из тех интеллектуальных богатств, которые им предлагали преподаватели.

Впрочем, даже недоброжелательные к Сталину авторы его биографий отчасти признавали положительные стороны обучения в Тифлисской семинарии. Английский историк Алан Баллок считал, что «благодаря этому обучению Сталин развил феноменальную память, что ему весьма пригодились в его дальнейшей деятельности». Д.Д. Волкогонов снисходительно допустил, что «как и любое знание, богословие, вопреки сложившемуся у нас представлению, несет немало полезной информации: исторической, социальной, нравственной». А. Улам же решительно опровергал мнение Троцкого, который, по его словам, «изображал Сталина почти как неграмотного человека». Подобные заявления, подчеркивал А. Улам, «игнорировали то обстоятельство, что семинария дала ему немалые знания: он должен был изучать латынь, греческий, церковнославянский, а также русскую историю и литературу».

Хотя, возможно, Горийское духовное училище и Тифлисская семинария плохо подготовили Сталина к изучению германской философии, нет сомнения в том, что в этих учебных заведениях он хорошо изучил православие, которое в то время являлось основой духовной культуры Грузии и значительной части Российской империи. Как всякий православный хри-

стианин Сталин, привык к культуре самоограничения, закреплённой в постах и иных требованиях к поведению верующего. Как всякий православный, он освоил культуру исповеди, в ходе которой человек даёт отчет и моральные оценки всем своим поступкам. Сталин приучился внимательно и критически взвешивать свои действия. Как семинарист, готовившийся стать священником, он научился требовать того же и от окружающих его людей. Язык православных проповедей, манера общения священника с паствой оставили на Сталина неизгладимое впечатление до конца его жизни. Поэтому ему было гораздо легче найти понимание с подавляющим числом людей России, воспитанных в православной традиции, чем Троцкому, Каменеву, Зиновьеву и многим другим, далеким от Русской православной церкви.

Кроме того, сводя образование Сталина лишь к программе его обучения в семинарии, западные авторы игнорировали то обстоятельство, что многие пробелы в своих знаниях Сталин компенсировал самообразованием и поглощением самой разнообразной информации, точно так же как Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев и другие.

Еще в детстве юный Иосиф зачитывался «Витязем в тигровой шкуре» Руставели и другими произведениями грузинских поэтов. У него обнаружился талант к стихосложению, и в юности он стал писать стихи, которые были высоко оценены выдающимися писателями Грузии. Некоторые из его стихов были опубликованы в литературных газетах, а затем – в сборниках поэзии. Одно из его стихотворений было опубликовано в учебнике для начальных школ в Грузии «Деда Эна» («Родное слово»). Другое – в книге «Грузинская хрестоматия, или Сборник лучших образцов грузинской словесности».

Поэтому суждения Сталина о литературе отличались профессионализмом. Однако, в отличие от Бухарина и Троцкого, которые никогда не были авторами художественных произведений, но активно распространяли свои сочинения по поводу стихов или прозы, Сталин ограничивался лишь отдельными устными высказываниями по литературе.

Сталин постоянно расширял круг своих познаний художественной литературы. Даже в семинарии Сталин, по словам его одноклассника Глурджидзе, «увлекался чтением “посторонних” книг», которые не разрешались начальством. «Вокруг него собирались товарищи. Чтобы лучше разбираться в интересовавших нас вопросах, мы читали “Историю культуры” Липперта, “Войну и мир”, “Хозяин и работник”, “Крейцерову сонату”, “Воскресение” Льва Толстого, а также Писарева, Достоевского, Шекспира, Шиллера и др... Книга была неразлучным другом Иосифа, и он с нею не расставался даже во время еды». Позже он познакомился с творчеством Ибсена, Франса, Брета Гарта, Альфонса Доде и многих других писателей Западной Европы и США.

Произведения же русских классиков Сталин особенно высоко ценил и любил. Он неоднократно и с видимым удовольствием цитировал хорошо ему известные места из произведений Гоголя, Салтыкова-Щедрина. По замечанию внимательного исследователя культурных интересов Сталина Евгения Громова, любимым автором Сталина был Чехов, и его произведения он читал «всю жизнь». Сталин внимательно следил и за новинками советской литературы, что помогало ему принимать решения по присуждению Сталинских премий в этой области.

В тюрьмах и ссылках он занимался самообразованием, изучая труды по философии, политэкономии и другим общественным наукам. В Вене, работая в библиотеках над книгой по национальному вопросу, ему пришлось изучать немецкий язык. В Туруханской ссылке он изучал литературу на немецком, французском и английском, а потому прибегал к учебникам и словарям. Его дочь Светлана вспоминала, что даже в старости он сохранил знание древнегреческого языка, который изучил в духовных училищах.

Его круг чтения был необыкновенно широк, а его способность к быстрочтению и феноменальная память позволяли ему преодолевать нехватку знаний. В своих письмах к жене Надежде Аллилуевой он просил прислать ему учебники по целому ряду технических дисциплин. Многие очевидцы подчеркивают, как глубоко Сталин знал историю. Отмечая широту интересов

Сталина, В.М. Молотов вспоминал: «Сталин античный мир и мифологию знал очень хорошо. Эта сторона у него очень сильная... В фойе карты по всем стенам. Хрущев говорил, что он по глобусу руководил, – наоборот, он очень карты любил географические... Азия была, Европа, все карты».

Еще в детстве у него обнаружили прекрасный музыкальный слух, и он иногда исполнял роль регента в детском хоре. Любовь к музыке у него сохранилась на всю жизнь. Одной из его любимых опер была «Аида» Верди. Большой любовью пользовались у него русские оперы. По словам Молотова, Сталин «часто в Большой театр ходил, на середину оперы, на кусок из оперы. Хорошо относился к Глинке, Римскому-Корсакову, Мусоргскому – к русским преимущественно композиторам». Последний раз Сталин посетил Большой театр 27 февраля 1953 года, накануне рокового инсульта. Он посмотрел балет «Лебединое озеро».

Не случайно, выступая с проповедью в Патриаршем соборе по случаю смерти И.В. Сталина, патриарх Алексий I говорил: «Люди науки изумлялись его глубокой научной осведомленности в самых разных областях».

Накопление знаний не было самоцелью для Сталина, а служило совершенствованию его как руководителя страны. Отмечая, как постоянное расширение круга знаний повлияло на мышление Сталина, А.А. Громыко, будучи человеком, повидавшим на своем веку великое множество образованных и эрудированных людей из разных стран, вспоминал: «Его начитанность, эрудиция проявлялись не только в выступлениях... В его речах содержались примеры, которые можно привести только в том случае, если знаешь соответствующий исторический источник... Одним словом, Сталин был образованным человеком, и, видимо, никакое формальное образование не могло дать ему столько, сколько дала работа над собой. Результатом такого труда явился известный сталинский язык, его умение просто и популярно формулировать сложную мысль... Эти реплики были тщательно продуманы... Что бросалось в глаза при первом взгляде на Сталина? Где бы ни доводилось его видеть, прежде всего обращало на себя внимание, что он человек мысли. Я никогда не замечал, чтобы сказанное им не выражало его определенного отношения к обсуждаемому вопросу».

Сталин постоянно пополнял свои знания по разным предметам изучением конкретного материала по той или иной проблеме. Он тщательно готовился к любому совещанию, изучая необходимую информацию, советуясь со специалистами. Многочисленные документы и воспоминания свидетельствуют, что Сталин принимал решения после долгих и глубоких коллективных дискуссий с привлечением лучших специалистов своего дела. Так было при обсуждении планов ведения военных действий в Ставке и ГКО. Так было, когда в Политбюро решались вопросы мирного экономического и политического развития страны.

Вопиющим образом противореча этим фактам, Хрущев заявлял, что Сталин «абсолютно не терпел коллективности в руководстве и в работе», что он «практиковал грубое насилие не только по отношению ко всему, что противоречило его мнению, но также и по отношению к тому, что, по мнению его капризного и деспотического характера, казалось, не соответствовало его взглядам. Сталин действовал не методами убеждения, разъяснения и терпеливого сотрудничества с людьми, а путем насильственного внедрения своих идей и требования безусловного к себе подчинения. Тот, кто выступал против такого положения вещей или же пытался доказать правоту своих собственных взглядов, был обречен на удаление из числа руководящих работников, на последующее моральное и физическое уничтожение».

Противопоставляя Ленина Сталину, Хрущев говорил: «Ленинские приемы были абсолютно чужды Сталину. Терпеливая работа с людьми, их постоянное и тщательное воспитание, способность убеждать людей следовать за собой, применяя не принуждение, но распространяя на них свое идеологическое влияние при посредстве всего партийного коллектива – все это было незнакомо Сталину. Он отверг ленинские методы убеждения и воспитания; он противопоставил идеологической борьбе методы административного насилия, массовых репрессий и

террора. Эти методы применялись им во все больших и больших масштабах, и все более и более упрямо при помощи карательных органов, при этом часто нарушались все нормы морали и советского права».

На протяжении доклада и в последующих заявлениях Хрущев не раз обвинял Сталина в патологической подозрительности. На XX съезде КПСС Хрущев говорил: «Сталин был... болезненно подозрителен; мы знаем это по работе с ним. Он мог посмотреть на кого-нибудь и сказать: “почему ты сегодня не смотришь прямо?” или “почему ты сегодня отворачиваешься и избегаешь смотреть мне в глаза?” Такая болезненная подозрительность создала в нем общее недоверие и к выдающимся партийцам, которых он знал годами. Всюду и везде он видел “врагов”, “лицемеров” и “шпионов”. Обладая неограниченной властью, он допускал большой произвол в деле морального и физического уничтожения людей. Создалось такое положение, что никто не мог выразить свою волю».

Популяризация хрущевских слов способствовала тому, что в обществе укоренилось впечатление, будто Сталин везде и всюду видел заговоры, направленные против себя. Утверждалось, что Сталин превратно истолковывал поведение отдельных людей или различные происшествия для обвинений в заговорах против него и государства, а затем для организации гонений на невинных людей и создания в стране обстановки страха. Между тем в своей хорошо документированной книге «Иной Сталин» историк Юрий Жуков приводит сведения о том, как в 1933 году Сталин не использовал подобным образом случаи, когда он едва не стал жертвой различных происшествий.

Так, в конце августа 1933 года Сталин путешествовал на машине по югу страны. В ночь с 25 на 26 августа при проезде через небольшой Ривьерский мост в машину «бьюик», на которой ехал Сталин и Ворошилов, врезался грузовик, Охрана, сидевшая во второй машине, открыла стрельбу. Водитель грузовика, некий Аршенидзе, который был сильно пьян, скрылся с места происшествия. Единственным следствием этого происшествия стало введение более строгих правил дорожного движения в Сочи.

Через месяц, 23 сентября 1933 года, Сталин совершил морскую прогулку на катере вдоль черноморского побережья. Когда катер плыл из Пицунды к даче «Холодная речка» возле Гагры, с берега раздались выстрелы. Как отмечал Ю. Жуков, «спустя два дня до истины удалось докопаться. Установили, что была допущена преступная небрежность, что пограничный пост не был информирован о задержке катера, что рядовой пограничник никак не отреагировал на появление “неизвестного” судна в закрытой зоне, а командир отделения Лавров, проявив излишнюю инициативу, выхватил у подчиненного винтовку и сделал положенные по уставу три предупредительных выстрела».

Комментируя эти два происшествия, Ю. Жуков писал: «Это покажется сегодня странным, но Сталин даже не предложил следствию рассматривать каждое из чрезвычайных происшествий как возможные теракты, а оба вместе – как действия неких заговорщиков».

В советское время почти никто в стране не знал про эти происшествия и реакцию Сталина на них, а потому после доклада Хрущева в стране повторялись байки о том, что Сталин везде видел заговоры, и убеждение в том, что он был параноиком, было широко распространено. В частности, получила хождение байка о том, что известный ученый-психиатр В.М. Бехтерев в 1927 году, осмотрев Сталина, установил у него паранойю. За это якобы Бехтерев заплатил жизнью: он был отравлен. Об этом, в частности, было написано в книге Юрия Борева «Сталиниада», в которой собрано более тысячи антисталинских баек. (Юрий Боров увидел в них «феномен особого рода – городской, интеллигентский фольклор».) При этом авторы байки ссылались на внуку ученого – академика Наталью Петровну Бехтереву.

Между тем в своем интервью для газеты «Аргументы и факты» (1995, № 3) Н.П. Бехтерева заявила, что ее дедушка не ставил такого диагноза Сталину. Она призналась: «Это была тенденция объявить Сталина сумасшедшим, в том числе и с использованием якобы высказы-

вания моего дедушки, но никакого высказывания не было, иначе бы мы знали. А кому-то понадобилась эта версия. На меня начали давить, и я должна была подтвердить, что это так и было. Мне говорили, что они напечатают, какой Бехтерев был храбрый человек и как погиб, смело выполняя врачебный долг». Комментируя это заявление, известный журналист В.С. Кожемяко ставил риторические вопросы: кто же давил на Н.П. Бехтереву и «как же могла эта женщина, ученый с мировым именем, поддаться давлению и пойти на ложь от имени своего почтенного дедушки?» Однако люди, давившие на Бехтереву, не давали ответа, а Н.П. Бехтерева вскоре после своего интервью умерла.

Нет сомнения в том, что за свою долгую жизнь и в течение своей активной деятельности И.В. Сталин совершил немало поступков, которые могут по-разному интерпретироваться. А надо учитывать, что еще при жизни его личность, его высказывания или его действия стали предметом внимательнейшего наблюдения и бесконечных пересудов. Впоследствии любое свидетельство о его слабостях использовалось для доказательства его порочности, реальные черты характера могли искажаться, а его действия получать превратное истолкование. Нередко Сталину приписывали слова, которые он никогда не произносил (например, сочиненная писателем А. Рыбаковым фраза: «Есть человек – есть проблема. Нет человека – нет проблемы»). На него возлагали ответственность за действия, которые он не совершал и физически не мог совершать (например, его обвиняли в том, что он утопил Эфраима Скланского в американском озере в 1925 г.).

Являясь сначала профессиональным революционером, а затем став руководителем великого государства, Сталин не мог не обладать такими качествами, как твердость и решительность, умение проявить личную волю и добиться исполнения своих приказов, нередко суровых и даже жестоких. Исторические условия, в которых жил и работал Сталин, требовали от него и других политических и государственных руководителей различных стран немалой жесткости.

Сталин сурово осуждал тех, кто полагался на приблизительные, а то и вымышленные сведения. Он не терпел лжецов. Делая выбор между личным впечатлением и документом, подготовленным профессионалом, в пользу последнего Сталин демонстрировал свое полное доверие к своим подчиненным. Однако, если Сталин обнаруживал, что его доверием злоупотребляют, то он был беспощаден. Рассказывая об отношении Сталина к поступающим к нему документам, генерал армии А.В. Хрулев вспоминал: «Сталин подписывал документы часто не читая, – это до тех пор, пока вы себя где-то не скомпрометировали. Все было построено на громадном доверии. Но стоило ему только (может быть, это чисто национальная черта) убедиться, что этот человек – мошенник, что он обманул, ловчит, – судьба такого работника была решена».

Вместе с тем Сталин смог успешно исполнять обязанности руководителя великой страны в течение почти тридцати лет, потому что он сочетал верность идейным принципам с политической гибкостью, учитывая постоянно менявшиеся условия общественного развития. Многочисленные свидетельства очевидцев показывают, что Сталин не только успешно преодолевал свои слабости, но и компенсировал их наличием качеств, которые были прямо противоположными тем, о которых так уверенно говорил Хрущев.

Прежде всего, для Сталина было в высшей степени характерно умение прислушиваться к мнению других людей. И его друзья, и недруги отмечали его способность внимать словам собеседника, стараться сделать так, чтобы он «выговорился», не мешать ему, навязывая собственное мнение. Вспоминая свои встречи со Сталиным, бывший секретарь ЦК ВКП(б) П.К. Пономаренко отрицал, будто «атмосфера во время заседаний с участием Сталина или встреч с ним была какой-то напряженной, гнетущей. Отнюдь. Имели место и дискуссии, и даже острые споры».

Стремление Сталина к коллективизму в принятии решений проявлялось даже в тяжелые дни Великой Отечественной войны. Невольно опровергая ложь Хрущева, члены Ставки и ГКО, а также другие очевидцы деятельности этих органов подчеркивали, что Сталин не только

не любил принимать решения единолично, но, напротив, старался добиться коллегиального обсуждения различных вопросов ведения войны с участием наиболее компетентных и ответственных лиц.

С одной стороны, он таким образом стремился добиться не механического, а сознательного отношения людей к принимаемым решениям. Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян писал в своих мемуарах: «Зная огромные полномочия и поистине железную властность Сталина, я был изумлен его манерой руководить. Он мог кратко скомандовать: “Отдать корпус!” – и точка. Но Сталин с большим тактом и терпением добивался, чтобы исполнитель сам пришел к выводу о необходимости такого шага».

С другой стороны, ставя во главу угла поиск истины, а не стремление доказать свою правоту, Сталин всегда уступал в том случае, если его соображения оказывались опровергнутыми весомыми аргументами. И.Х. Баграмян писал: «Мне впоследствии частенько самому приходилось уже в роли командующего фронтом разговаривать с Верховным Главнокомандующим, и я убедился, что он умел прислушиваться к мнению подчиненных. Если исполнитель твердо стоял на своем и выдвигал для обоснования своей позиции веские аргументы, Сталин почти всегда уступал».

Это мнение подтверждал и Маршал Советского Союза Г.К. Жуков: «Кстати сказать, как я убедился за долгие годы войны, И.В. Сталин вовсе не был таким человеком, перед которым нельзя было ставить острые вопросы и с которым нельзя было спорить и даже твердо отстаивать свою точку зрения». Опровергая мнение о сталинском своеволии, Г.К. Жуков писал: «После смерти Сталина появилась версия о том, что он единолично принимал военно-политические решения. С этим согласиться нельзя... Если Верховному докладывали вопросы со знанием дела, он принимал их во внимание. И я знаю случаи, когда он отказывался от своего собственного мнения и ранее принятых решений. Так было, в частности, с началом сроков многих операций».

Сталин не раз уступал аргументам специалистов, даже если они его не убедили окончательно. А.С. Яковлев писал в своих воспоминаниях: «Мне запомнилось, что начальник НИИ ВВС Филин настойчиво выступал за широкое строительство четырехмоторных тяжелых бомбардировщиков Пе-8. Сталин возражал: он считал, что нужно строить двухмоторные бомбардировщики и числом побольше. Филин настаивал, его поддерживали некоторые другие. В конце концов Сталин сдался, сказав: “Ну, пусть будет по-вашему, хотя вы меня и не убедили”. Жизнь, однако, доказала правоту Сталина. Как писал Яковлев, Пе-8 поставили в серию на одном заводе параллельно с Пе-2. Вскоре, уже в ходе войны, к этому вопросу вернулись. Пе-8 был снят с производства, и завод перешел целиком на строительство Пе-2. Война требовала большого количества легких тактических фронтовых бомбардировщиков, какими и были Пе-2.

Сам Сталин умел признавать свои ошибки. Адмирал И.С. Исаков вспоминал ход обсуждения строительства одной железной дороги, которая была построена поверх наспех построенного шоссе, проходившего через болото. Во время обсуждения Исаков «попросил слова и, горячась, сказал, об этой железнодорожной ветке, что это не лезет ни в какие ворота, что вообще эта накладка железнодорожных путей на шоссе, причем единственное, – не что иное, как вредительство. Тогда “вредительство” относилось к терминологии, можно сказать, модной, бывшей в ходу, и я употребил именно это выражение. Сталин дослушал меня до конца, потом сказал спокойно: “Вы довольно убедительно, товарищ Исаков, проанализировали состояние дела. Действительно, объективно говоря, эта дорога в таком виде, в каком она сейчас есть, не что иное, как вредительство. Но прежде всего тут надо выяснить, кто вредитель? Я – вредитель. Я дал указание построить эту дорогу. Доложили мне, что другого выхода нет, что это ускорит темпы, подробностей не доложили, доложили в общих чертах. Я согласился для ускорения темпов. Так что вредитель в данном случае я. Восстановим истину. А теперь давайте прини-

мать решение, как быть в дальнейшем». Исаков подчеркивал, что «это был одним из многих случаев, когда он демонстрировал и чувство юмора, в высшей степени свойственное ему, очень своеобразного юмора, и в общем-то способности сказать о своей ошибке или заблуждении, сказать самому».

Нарком вооружений во время войны Д.Ф. Устинов вспоминал о том, как проходили обсуждения у Сталина: «При всей своей властности, суровости, я бы сказал, жесткости, он живо откликался на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений. Во всяком случае, насколько я помню, он не упреждал присутствующих своим замечанием, оценкой, решением. Зная вес своего слова, Сталин старался до поры не обнаруживать отношения к обсуждаемой проблеме, чаще всего или сидел будто бы отрешенно, или прохаживался почти бесшумно по кабинету, так что казалось, что он весьма далек от предмета разговора, думает о чем-то своем. И вдруг раздавалась короткая реплика, порой поворачивающая разговор в новое и, как потом зачастую оказывалось, единственно верное русло».

Будучи врагом формализма, Сталин проявлял чрезвычайную гибкость в организации дискуссий и мог сознательно задержать ее ход, чтобы разрешить особо сложный вопрос, требовавший всестороннего внимания. Маршал Жуков писал: «Если на заседании ГКО к единому мнению не приходили, тут же создавалась комиссия из представителей крайних сторон, которой поручалось доложить согласованные предложения».

Уже на закате своих дней Микоян, поддерживавший Хрущева в его нападках на Сталина, да и сам Хрущев фактически признали абсурдность обвинений Сталина в нетерпимости к иным мнениям. Вспоминая свое участие в заседаниях со Сталиным, Микоян писал: «Каждый из нас имел полную возможность высказать и защитить свое мнение или предложение. Мы откровенно обсуждали самые сложные и спорные вопросы... встречая со стороны Сталина в большинстве случаев понимание, разумное и терпимое отношение даже тогда, когда наши высказывания были явно ему не по душе. Сталин прислушивался к тому, что ему говорили и советовали, с интересом слушал споры, умело извлекая из них ту самую истину, которая помогала ему потом формулировать окончательные, наиболее целесообразные решения, рождаемые, таким образом, в результате коллективного обсуждения. Более того, нередко бывало, когда, убежденный нашими доводами, Сталин менял свою первоначальную точку зрения по тому или иному вопросу».

Противореча своему докладу, Хрущев в своих воспоминаниях признал, что, когда он доказывал Сталину «свою правоту и если при этом дашь ему здоровые факты, он в конце концов поймет, что человек отстаивает полезное дело и поддержит... Бывали такие случаи, когда настойчиво возражаешь ему, и если он убедится в твоей правоте, то отступит от своей точки зрения и примет точку зрения собеседника. Это, конечно, положительное качество».

Наблюдая за Сталиным, Байбаков взял с него пример руководящей деятельности: «Где бы я ни работал и при Сталине, и после него, я, следуя его примеру, всегда в меру своих сил старался внимательно выслушать каждого, с кем работал, искать истину в сопоставлении различных мнений, добиваться искренности и прямоты каждого личного мнения, но прежде всего искать доступные, реальные пути выполнения поставленных задач». Совершенно очевидно, что стиль работы Сталина служил для наркома Байбакова не примером подавления инакомыслия, запугивания других людей, а прямо противоположных качеств.

Был ли Сталин груб? Характеризуя стиль поведения Сталина, А.А. Громыко в своих воспоминаниях писал: «В манере поведения Сталина справедливо отмечали неброскую корректность. Он не допускал панибратства, хлопанья по плечу, по спине, которое иной раз считается признаком добродушия, общительности и снисходительности. Даже в гневе – а мне приходилось наблюдать и это – Сталин обычно не выходил за рамки допустимого. Избегал он и нецензурных выражений».

Так как многие люди оставили свидетельства поведения Сталина, в различных мемуарах можно найти примеры того, как он срывался.

Прежде всего, это случалось, когда он узнавал о гибели дорогих ему людей. Как свидетельствовал Артем Сергеев, во время похорон своей жены Аллилуевой, Сталин безудержно рыдал. Сталин тяжело переживал, узнав об убийстве Кирова и самоубийстве Орджоникидзе.

Порой он взрывался от гнева. Зачастую это происходило, когда возникала тяжелая ситуация, а Сталин был крайне возмущен неверными, по его мнению, действиями других лиц или их предложениями. Так, например, произошло после неудач подготовительных полетов на самолете АНТ-25. Для решения этого вопроса к Сталину были вызваны Байдуков, Леваневский, авиаконструктор Туполев. Как вспоминал Байдуков, «мы все прибыли в Кремль... и я никогда прежде и потом не видел таким рассерженным Сталина, хотя не раз встречался с ним. Сталин резко настаивал на том, чтобы мы не мучились, а поехали в Америку и купили там нужную для перелета машину». В ответ на это Байдуков взял слово и сказал: «Товарищ Сталин, я считаю, бесполезное дело – ехать в Америку за самолетом». Сталин разозлился еще больше: «Требую доказательств!» Впервые видел такого Сталина. Обычно он с нами ласково, очень вежливо разговаривал. А тут подошел, зеленые глаза, и сапогом два раза по коврику стукнул, мне даже смешно стало. «Требую доказательства!» Представив убедительные аргументы в пользу своего предложения, Байдуков убедил Сталина и тот смягчился, а затем согласился с его доводами.

Для взрыва сталинского гнева обычно нужны были экстраординарные обстоятельства. Управляющий делами Совнаркома Я. Чадаев стал свидетелем поведения Сталина, когда тот только что узнал о неожиданном прорыве немецких войск в направлении Москвы в октябре 1941 года. «Сталин ходил поспешно по кабинету с растущим раздражением. По его походке и движению чувствовалось, что он находится в сильном волнении. Сразу было видно, что он тяжело переживает прорыв фронта и окружение значительного числа наших дивизий. Это событие просто ошеломило его. “Ну и болван, – тихо произнес Сталин. – Надо с ума сойти, чтобы проворонить... Шляпа!”... Пока я молчал, зашел Поскребышев и доложил: “Командующий Конев у телефона”. Сталин подошел к столу и с яростью снял телефонную трубку. В командующего летели острые стрелы сталинского гнева. Он давал не только порцию “проборки”, но и строгое предупреждение, требовал беспощадно биться и добиться вывода войск из окружения. “Информируйте меня через каждые два часа, а если нужно, то и еще чаще. Время, время дорого!”»

Вряд ли эти и подобные им сцены свидетельствуют о «капризности» и «грубости» Сталина. При этом мемуаристы обычно подчеркивали, что такие взрывы были редкостью. Есть немало свидетельств того, что в стрессовых ситуациях Сталин обычно старался подавить в себе вспышки гнева или скрыть свое возмущение. Как утверждал адмирал И.С. Исаков, «для этого у него были давно выработанные навыки. Он ходил, отворачивался, смотрел в пол, курил трубку, возился с ней... Все эти средства для того, чтобы сдержать себя, не проявить своих чувств, не выдать их. И это надо было знать для того, чтобы учитывать, что значит в те или иные минуты это его мнимое спокойствие». Исаков отмечал и другой прием Сталина: «задерживать немного решение, которое он собирался принять в гневе».

Бывший во время войны начальником Главного артиллерийского управления РККА маршал артиллерии Н.Д. Яковлев вспоминал, как проходили заседания Ставки под руководством Сталина: «Работу в Ставке отличала простота, большая интеллигентность. Никаких показных речей, повышенного тона, все разговоры – вполголоса».

Характеризуя Сталина, с которым он постоянно общался по долгу службы, бывший управляющий делами Совнаркома СССР Я.Е. Чадаев вспоминал: «Внешне он был спокойный, уравновешенный человек, неторопливый в движении, медленный в словах и действиях. Но внутри вся его натура кипела, бурлила, клокотала. Он стойко, мужественно переносил

неудачи и с новой энергией, с беззаветным мужеством работал на своем трудном и ответственном посту».

Опыт работы убедил Сталина в том, как необходимы терпение и выдержка. Как-то раз Сталин спросил Байбакова: «Вот вы – такой молодой нарком... Скажите, какими свойствами должен обладать советский нарком?» «Знание своей отрасли, трудолюбие, добросовестность, умение опираться на коллектив», – начал медленно и подробно перечислять я. «Все это верно, товарищ Байбаков, все это очень нужные качества. Но о важнейшем качестве вы не сказали». Тут Сталин, обойдя вокруг стола, подошел ко мне. Я решил подняться. Но он не позволил, коснувшись чубуком трубки моего плеча. «Советскому наркому нужны прежде всего “бичьи” нервы (так характерно произнес он слово “бычьи”) плюс оптимизм»». Комментируя эти слова Сталина, Байбаков писал: «Много лет прошло с тех пор, всякое было в жизни – и хорошее, и горькое, но эти слова запали мне в душу. В трудную, критическую минуту в моей судьбе они всегда вспоминались».

Совершенно очевидно, что Сталин, не лишенный человеческих недостатков, обладал многими качествами, необходимыми в работе, особенно на высоком государственном посту. Об этих качествах Хрущев и его последователи обычно предпочитали умалчивать. Их стараниями был создан отталкивающий образ деспотического маньяка, который творил произвол в угоду своим наваждениям или личным капризам. Поэтому утверждение о том, что репрессии 1937 года порождены этими мнимыми чертами характера Сталина, следует считать вздорным мифом.

Глава 2. Кто такие троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы?

С середины 30-х годов в советской печати и по советскому радио непрерывно звучали яростные проклятия в адрес троцкистов, зиновьевцев, а также правых, которых затем стали именовать бухаринцами. Их обличали в сатирических стихах поэты. Их смерти требовали на массовых митингах и собраниях. Позже осуждение этих людей сопровождало все занятия по истории Коммунистической партии. Поэтому без хотя бы краткого знакомства с троцкистами, зиновьевцами и бухаринцами невозможно правильно понять события 1937 года.

Правда, с конца 80-х годов отношение к троцкистам, зиновьевцам и бухаринцам в нашей стране изменилось. Сначала отдельные авторы, а затем подавляющая часть политической пропаганды стали именовать многих из долго проклинаемых лиц «верными ленинцами». А вскоре стало широко распространяться представление о том, что те, кто долго именовался троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами, на самом деле составляли «ленинскую гвардию», которая была безжалостно истреблена Сталиным.

Ныне, несмотря на полярные отличия в оценке событий 1937 года, противоборствующие стороны нередко сходятся в одном, считая, что они стали кульминацией борьбы Сталина против «ленинской гвардии». При этом одни восхищаются тем, как Сталин «разделался» с «марксистами-ленинцами», а другие клеймят Сталина за измену «принципам марксизма-ленинизма» и истребление «ленинской гвардии».

Известно, что после смерти В.И. Ленина в состав Политбюро входили: Г.Е. Зиновьев, А.И. Рыков, Л.Б. Каменев, И.В. Сталин, М.П. Томский, Л.Д. Троцкий. Кандидатами в члены Политбюро были: Н.И. Бухарин, М.И. Калинин, В.М. Молотов, Я.Э. Рудзутак. Те, кто считает, что главным в политической жизни СССР была борьба Сталина против ленинцев, указывают на то, что в 1924–1929 годах из Политбюро были выведены почти все те, кто ранее входил в его состав, а Сталин остался. При этом утверждают, что идейно-политическая борьба в партии, которая велась в партии в те годы, на деле была лишь прикрытием для действий Сталина по устранению своих политических соперников в руководстве партии и страны.

Затем обращают внимание на то, что почти все бывшие члены и кандидаты в члены Политбюро (Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Рудзутак) были в середине 30-х годов арестованы, подвергнуты суду и затем расстреляны в 1936–1938 годах. Опасаясь ареста, покончил жизнь самоубийством в 1936 году Томский. Наиболее грозный противник Сталина – Троцкий, который сначала был выслан из страны, был убит сотрудником НКВД в 1940 году. В ходе репрессий 1937–1938 годов. были арестованы и многие другие члены партии, принадлежавшие к «ленинской гвардии». Немало из них было расстреляно. Поскольку репрессии 1937 года считались расправой со сторонниками Ленина, приход Сталина к власти был объявлен антиленинским переворотом.

При этом забывают, что Сталин принадлежал к «ленинской гвардии» задолго до того, как те, кто потом стали троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами и были репрессированы, вошли в состав Политбюро. Еще до революции и до того, как он стал использовать псевдоним Сталин, И.В. Джугашвили, известный также как Коба, стал членом ЦК, когда на Пражской конференции (1912 г.) произошло окончательное отделение большевиков от меньшевиков. Тогда членами ЦК стало девять человек. Одновременно со Сталиным членом ЦК стал Г.Е. Зиновьев. Л.Б. Каменев избрали в ЦК лишь через пять лет – в апреле 1917 года. Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и Л.Д. Троцкий стали членами ЦК в августе 1917 года. Я.Э. Рудзутак вошел в состав ЦК только в 1920 году.

Доказывая, что Сталин не играл никакой заметной роли в событиях 1917 года, часто ссылаются на книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», в которой о Сталине не было сказано ни слова. Объясняя «незаметность» Сталина в 1917 году, его биограф Исаак Дейчер, отнюдь не симпатизировавший герою своей книги, писал: «В то время как целая плеяда ярких трибунов революции, подобных которым Европа не видела со времен Дантона, Робеспьера и Сен-Жюста, красовались перед огнями рампы, Сталин продолжал вести свою работу в тени кулис». Следует заметить, что успех октябрьского выступления большевиков был во многом обеспечен усилиями тех, кто находился за кулисами, а не на авансцене.

О высоком авторитете Сталина в партии свидетельствовало то, что на VI съезде большевиков, состоявшемся в подполье в июле – августе 1917 года, он выступил с отчетным докладом ЦК. Накануне восстания на заседании ЦК 10 октября было создано Политическое бюро из семи человек, среди которых был Сталин. Через месяц после победы Октябрьской революции, 29 ноября 1917 года, ЦК создал Бюро «для решения наиболее важных вопросов, не требовавших отлагательств», в следующем составе: Ленин, Сталин, Троцкий, Свердлов. Бюро неофициально именовали «четверкой».

После смерти Свердлова и завершения VIII съезда РКП на заседании ЦК 25 марта 1919 года было создано Политбюро из пяти человек. Сталин вошел в его состав и оставался членом Политбюро, а затем Президиума ЦК до своей смерти.

Сталин никогда не вел политической борьбы против Ленина, хотя в ряде случаев он не соглашался с вождем партии и имел особое мнение по некоторым вопросам. В этом он отличался от тех, кого с 80-х годов произвольно зачисляли в «ленинскую гвардию». В своем «Письме к съезду», упоминая о Каменеве и Зиновьеве, Ленин писал, что происшедший с ними «октябрьский эпизод... не является случайным». Об этом «эпизоде», в результате которого Октябрьская революция чуть не была сорвана, было широко известно членам партии.

Известно, что 16 октября 1917 года на секретном заседании ЦК большевистской партии было принято решение о вооруженном восстании большинством в 19 против 2 (Каменев и Зиновьев), при 4 воздержавшихся. Протестуя против этого решения, Каменев вышел из состава ЦК, а на другой день, 18 октября, он и Зиновьев опубликовали свое письмо в меньшевистской газете «Новая жизнь», в котором они оспаривали принятое решение ЦК.

Хотя в письме Зиновьева и Каменева не говорилось о восстании, в те напряженные дни можно было догадаться, о чем могло быть решение ЦК. Именно в этом обвинял Ленин авторов письма. В своем «Письме к членам партии большевиков» он называл Зиновьева и Каменева «штрейкбрехерами», «политическими проститутками», предлагал им «основывать свою партию с десятком растерявшихся людей» и квалифицировал их поступок как «тяжелую измену». Через день, 20 октября, в новом письме в ЦК РСДРП(б) Ленин потребовал исключения Зиновьева и Каменева из партии. Он считал, что «только так можно оздоровить рабочую партию, очиститься от дюжины бесхарактерных интеллигентов».

На заседании ЦК 20 октября обсуждались эти письма Ленина. Дзержинский, Свердлов и ряд других членов ЦК поддержали критику Ленина, но не приняли его предложение об исключении Каменева и Зиновьева из партии. Сталин предложил не принимать никаких решений, а отложить вопрос до пленума ЦК. Хотя Ленин до самой смерти помнил о действиях Зиновьева и Каменева накануне Октябрьской революции, в первые дни Октябрьской революции Ленин постарался забыть свои гневные слова, и Каменев с его ведома был избран на II съезде Советов председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК).

Однако через несколько дней Каменев и другие своими действиями вызвали первый правительственный кризис в Советской России. В знак протеста против несогласия Ленина создать коалиционное правительство на условиях профсоюза железнодорожников (Викжель) о своем выходе из ЦК партии объявили Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин и Милютин. Одно-

временно Каменев подал в отставку с поста председателя ВЦИК. С постов наркомов ушли в отставку Рыков, а также Ногин, Милютин, Тодорович.

Почти с первых же дней советской власти развернул борьбу против внешней политики правительства Ленина Бухарин. Зимой 1917/18 года он стал во главе фракции «левых коммунистов», которая решительно выступила против заключения Брестского мирного договора. Вместо него Бухарин и его сторонники выдвинули лозунг «революционной войны». Хотя Бухарин отдавал себе отчет в том, что у Советской республики не было никакой возможности победить Германию и ее союзников в «революционной войне», он утверждал, что главным итогом поражения России и ее оккупации станет разрастание партизанской войны против захватчиков. А это, уверял Бухарин, приведет к потерям среди интервентов и спровоцирует революции в их странах. За возможную мировую революцию Россия должна была заплатить оккупацией, огромными человеческими жертвами и хозяйственным разорением.

В своей борьбе против Ленина Бухарин сначала опирался на большинство в ЦК партии. Позиция «левых коммунистов» препятствовала выработке твердого курса на подписание мира в Бресте. В дальнейшем Бухарин и «левые коммунисты» помешали Ленину сразу же дезавуировать срыв Троцким переговоров и заключить мир на более приемлемых условиях. Вместе с Троцким Бухарин и его сторонники способствовали тому, что в марте 1918 года Россия утратила огромные территории. Следует также иметь в виду, что выступавшие против Брестского договора левые эсеры предлагали Бухарину и его сторонникам арестовать Ленина и совершить государственный переворот. В мае 1918 года «левые коммунисты» требовали денонсации Брестского договора. Лишь по мере того как ряды «левых коммунистов» стали таять, эта фракция в октябре 1918 года была распущена.

Хотя Бухарина превозносили как выдающегося теоретика, Ленин в этом сомневался и в своем «Письме к съезду» писал о Бухарине, что «его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)».

Наиболее сомнительным «ленинцем» был Троцкий. До мая 1917 года Троцкий не только не был большевиком, но, начиная с рождения большевистской партии в 1903 году, вел против нее активную борьбу.

Есть свидетельства того, что вступление Троцкого в ряды борцов против буржуазии было случайным. Выходцу из семьи крупного одесского зерноторговца Давида Бронштейна антибуржуазная суть марксизма была глубоко чужда, и поэтому, познакомившись с членами марксистского подпольного кружка в Николаеве, он вел с ними острую полемику, ссылаясь на труды буржуазного идеолога И. Бентама. Присоединение к кружку Троцкого было неожиданным для его участников, и некоторые объясняли этот шаг лишь желанием произвести впечатление на его будущую супругу марксистку Соколовскую.

Подпольная деятельность Троцкого в николаевском кружке длилась чуть более года, и за это время он не успел даже начать изучение марксизма. В то время как его друзья по кружку, оказавшись в тюрьме, усиленно штудировали марксистскую теорию, Троцкий не спешил этим заняться, усиленно изучая литературу по масонству. Лишь оказавшись в ссылке, он начал читать «Капитал» Маркса, но так и не осилил первый том, а потому, оказавшись после побега из ссылки в Лондоне осенью 1902 года, страшно боялся, что Ленин начнет экзаменовывать его по марксизму.

Сотрудничество Троцкого с Лениным продолжалось недолго. Уже в ходе II съезда РСДРП, летом 1903 года, Троцкий порвал с Лениным и атаковал созданную на съезде фракцию большевиков. В течение 12 лет Троцкий вел постоянную борьбу против большевизма. Так толком и не разобравшись в марксистской теории, Троцкий нагло обвинял вождя большевиков в извращении марксизма. «Поистине нельзя с большим цинизмом относиться к лучшему идейному достоянию пролетариата, чем это делает Ленин! Для него марксизм не метод научного

исследования, налагающий большие теоретические обязательства, нет это... половая тряпка, когда нужно затереть свои следы, белый экран, когда нужно демонстрировать свое величие, складной аршин, когда нужно предъявить свою партийную совесть!» Атакуя Ленина в этой работе, Троцкий сравнивал его с Робеспьером, очевидно исходя из сходства буржуазной партии якобинцев с большевистской партией.

Не примкнув ни к одной из фракций РСДРП, Троцкий вплоть до 1917 года пытался играть роль посредника между ними и на основе эклектической позиции создать «центристскую платформу», которая позволила бы ему играть решающую роль в руководстве партии. Ленин и другие видные деятели большевистской партии не раз разоблачали идейную беспринципность Троцкого. Ленин называл его «Иудушкой-Троцким». Сталин именовал Троцкого «красивой ненужностью» и «чемпионом с фальшивыми мускулами».

В конце 1904 года Троцкий сблизился с выходцем из семьи другого богатого одесского зерноторговца – Александром Гельфандом (Парвусом), который к тому времени играл видную роль в Германской социал-демократической партии. Теория перманентной революции, созданная Троцким и Парвусом в ходе их сотрудничества, предусматривала революцию в России прежде всего с целью спровоцировать процессы, благоприятствующие общеевропейской интеграции.

С целью осуществления на практике идей перманентной революции Троцкий и Парвус при поддержке видных социал-демократов Германии и Австро-Венгрии прибыли в Россию в разгар революции 1905 года.

Неизвестно откуда взявшиеся деньги помогли Парвусу организовать издание массовых периодических газет. Наиболее значительным действием двух друзей стал «Финансовый манифест», составленный Парвусом от имени Петербургского совета. Публикация в газетах, принадлежавших Парвусу, 2 декабря 1905 года «Манифеста», в котором вкладчиков сберегательных банков призывали изъять золотом свои рублевые вклады, так как рубль якобы находится на грани краха, спровоцировала падение рубля. Убытки государства были так велики, что правительство было вынуждено попросить Францию предоставить России огромный заем. От этой аферы выиграли финансовые воротилы Европы, а Россия попала в экономическую зависимость от Франции. Парвус же вскоре баснословно разбогател.

Сбежав из ссылки после ареста, Парвус и Троцкий встретились в Германии. А вскоре Парвус стал оперировать миллионными средствами и занялся торговлей зерном и оружием в Османской империи. Троцкий же поддерживал связи со своим другом вплоть до начала Первой мировой войны.

После начала Февральской революции Троцкий, как и в 1905 году, считал, что российская революция «сможет успешно развиваться и прийти к победе только как общеевропейская. Оставаясь изолированным в национальных рамках, она оказалось бы обречено на гибель». Он считал, что российская революция должна способствовать интеграции капиталистической экономики Западной Европы под лозунгом создания Соединенных Штатов Европы. Эти взгляды Троцкий изложил в опубликованной в мае 1917 года статье «Программа мира», которая стала идейно-политическим манифестом нескольких тысяч видных социал-демократов России, создавших «Межрайонную организацию», или «Межрайонку».

Троцкий и его сторонники из «Межрайонки» оказались вне крупных политических партий. Позже Троцкий признавал: «Меньшевики и большевики смотрели на меня со злобой и недоверием». К тому времени у Ленина не было сомнений в классовой позиции Троцкого. Готовя свой доклад на апрельской конференции 1917 года, Ленин писал в конспекте выступления: «Колебания мелкой буржуазии (Троцкий, Ларин и Биншток).

В сложившейся обстановке Троцкий, оказавшись вне крупных политических сил в разгар революционных событий, решил примкнуть к большевикам. Лишь стремление Ленина расширить фронт борьбы за социалистическую революцию и привлечь в свои ряды таких опытных

ораторов, как Троцкий, Луначарский и другие, а также заручиться международными контактами «Межрайонки», привело к соглашению между большевиками и сторонниками Троцкого. Летом 1917 года Троцкий вступил в большевистскую партию, а вскоре был избран в состав ЦК партии.

Однако с первых же лет пребывания Троцкого в большевистской партии, а затем в составе советского правительства его особая позиция постоянно порождала трудности и противоречия в руководстве партии и государства. Отказ Троцкого подписать Брестский договор в феврале 1918 года, который спровоцировал наступление германских войск и захват ими Украины, Белоруссии, Прибалтики, широкое недовольство многих коммунистов деятельностью Троцкого на посту руководителя Реввоенсовета, проявившееся на VIII съезде РКП(б), в марте 1919 года, создание им мощной оппозиции накануне X съезда партии и спровоцированная им острая дискуссия в 1920–1921 годах, едва не увенчавшаяся сменой руководства страны весной 1921 года, стали лишь прелюдиями к широкой оппозиционной деятельности Троцкого, направленной против руководства партии.

В своей борьбе против Троцкого и его сторонников в ходе дискуссии 1923 года Сталин полагался на «ленинскую гвардию». Большевики с дореволюционным партийным стажем могли рассказать молодежи о многолетней борьбе Ленина и большевиков с Троцким и его сторонниками и развенчать в их глазах сложившееся после 1917 года представление о Троцком как о непоколебимом большевике и ленинце. Л.М. Каганович вспоминал: «Можно без преувеличения сказать, что старые большевики оказали неоценимую помощь партии, ЦК и МК в разгроме троцкистов в Московской организации».

Большевики-ленинцы с дореволюционным стажем постоянно были ближайшими соратниками Сталина. Вопреки заявлению тогдашнего директора Института российской истории РАН А. Сахарова в ходе передачи «Имя России» 19 октября 2008 года, будто со временем Сталин «убрал всех своих соратников», на самом деле те, кто наиболее активно поддерживал Сталина в идейных боях против троцкизма, остались в составе партийного руководства до самой его смерти: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович. Юрий Жуков имел основание причислить их и Сталина к «узкому руководству» партии. Все они, а также М.И. Калинин, А.И. Микоян, А.А. Андреев, А.А. Жданов (то есть почти все члены Политбюро, избранные в его состав в 1939 году, после завершения периода массовых репрессий) вступили в Коммунистическую партию до 1917 года. Единственный член Политбюро в 1939 году, который вступил в партию после Октябрьской революции, был Н.С. Хрущев.

Многие из них были соратниками Ленина или его выдвиженцами. М.И. Калинин стал в 1898 году членом подпольного «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», которым руководил В.И. Ленин. В 1912 году Калинин стал кандидатом в члены ЦК большевистской партии. По рекомендации Ленина Калинин в 1919 году был избран на высший государственный пост в стране, став председателем ВЦИК, а затем – председателем ЦИК СССР. К.Е. Ворошилов был делегатом VI партийного съезда, состоявшемся в Стокгольме в 1906 году, и там познакомился с Лениным. С 1921 года Ворошилов стал членом ЦК партии. В 1921 году Ленин выдвинул В.М. Молотова секретарем ЦК партии. С вдова Ленина Каганович в 1921 году вошел в состав Туркестанского бюро ЦК партии, а с 1922 года перешел на работу в Секретариат ЦК.

Говорить о том, что в ходе репрессий 1937 года ленинцев уничтожали антиленинцы, значит вопиющим образом исказить историю партии. Лишь полное игнорирование исторических фактов позволяет утверждать, будто Сталин последовательно изгонял из Политбюро то одного, то другого члена, а остальные безропотно ждали своей злосчастной участи.

На самом деле не Сталин был инициатором борьбы против Троцкого и его сторонников. Еще со времени дискуссии 1920–1921 годов наибольшую активность в борьбе против Троцкого и троцкистов проявлял Зиновьев. Затем к этой борьбе присоединились другие члены руководства партии. В своем письме от 22 марта 1923 года все члены и кандидаты в члены Политбюро

(кроме Троцкого и парализованного Ленина) подписали письмо, в котором резко осуждалась позиция Троцкого.

Троцкий и троцкисты выступили в октябре 1923 года с заявлениями, в которых осуждалась внутренняя и внешняя политика партии за «нарушение внутрипартийной демократии» и «отказ от революционных принципов». По этой причине позиция троцкистов считалась «левым уклоном».

Высмеивая попытки Троцкого и троцкистов изображать из себя «демократов», Сталин в статье в «Правде» от 15 декабря 1923 года напомнил о диктаторских методах по отношению к партийным массам, к которым прибегали руководители оппозиции. Он писал: «В рядах оппозиции имеются такие, как Белобородов, “демократизм” которого до сих пор остался в памяти у ростовских рабочих; Розенгольц, от “демократизма” которого не поздоровилось нашим водникам и железнодорожникам; Пятаков, от “демократизма” которого не кричал, а выл весь Донбасс; Альский, “демократизм” которого всем известен; Бык, от “демократизма” которого до сих пор воет Хорезм».

Позже Сталин с не меньшим сарказмом говорил о том, что «Троцкий, этот патриарх бюрократов, без демократии жить не может». «Нам было несколько смешно, – заявлял Сталин, – слышать речи о демократии из уст Троцкого, того самого Троцкого, который на X съезде партии требовал перетряхивания профсоюзов сверху. Но мы знали, что между Троцким периодом X съезда и Троцким наших дней нет разницы большой, ибо как тогда, так и теперь он стоит за перетряхивание ленинских кадров. Разница лишь в том, что на X съезде он перетряхивал ленинские кадры сверху в области профсоюзов, а теперь он перетряхивает те же ленинские кадры в области партии. Демократия нужна, как конек, как стратегический маневр. В этом вся музыка».

В то время немало людей считали, что за демагогическими фразами о «демократии» идет подготовка к государственному перевороту.

Член Исполкома Коминтерна Альфред Росмер вспоминал, что осенью 1923 года в высших партийных кругах были широко распространены слухи такого рода: «Троцкий вообразил себя Бонапартом», «Троцкий собирается действовать как Бонапарт». Зиновьев увидел в этих слухах отголоски неминуемой угрозы военного переворота, и он предложил ввести в состав Реввоенсовета Республики И.В. Сталина или К.Е. Ворошилова.

Для таких слухов были веские основания. С марта 1918 года Л.Д. Троцкий занимал пост наркома военных и военно-морских дел, а также был председателем Реввоенсовета страны. Ему подчинялась вся армия. 41-й параграф устава Красной Армии, утвержденного в 1922 году, был посвящен изложению политической биографии Троцкого. Он венчался словами: «Тов. Троцкий – вождь и организатор Красной Армии. Стоя во главе Красной Армии, тов. Троцкий ведет ее к победе над всеми врагами Советской республики». Такая установка позволяла представить политических противников Троцкого как врагов советской власти, подлежащих разгрому и уничтожению. Поскольку же происходившее сокращение армии по мере начавшегося мирного строительства отражалось болезненно на положении ряда командиров и политработников, некоторые из них с надеждой ждали от Предреввоенсовета сигнала к бою за победу мировой революции и готовы были поддержать его в борьбе за власть.

Не только в армии, но и за ее пределами имя Троцкого связывали с грядущими победами в неизбежных войнах. Во время праздничных демонстраций пели популярную песню про Красную Армию, которая «всех сильнее... от тайги до британских морей». Тогда припев этой и ныне известной песни звучал так: «С отрядом флотским товарищ Троцкий нас поведет в последний бой!»

В конце 1923 года, когда Троцкий опубликовал свой программный документ «Новый курс», начальник Политуправления Красной Армии В.А. Антонов-Овсеенко предписал изменить систему партийно-политических органов Красной Армии на основе положений «Нового

курса» Троцкого. Политбюро потребовало отозвать это распоряжение, но Антонов-Овсеенко заявлял в эти дни, что бойцы Красной Армии «как один» выступят за Троцкого. От этих заявлений веяло угрозой военного переворота. Зиновьев поэтому предложил немедленно арестовать Троцкого. Сталин и другие отвергли это предложение.

Тем временем к началу января 1924 года дискуссия в партийных организациях, спровоцированная троцкистами, завершилась. Резолюции в поддержку ЦК получили одобрение 98,7 % членов партии, а резолюции в поддержку троцкистов – 1,3 %. XIII партконференция (16–18 января 1924 г.) констатировала поражение Троцкого и его сторонников.

Осенью 1924 года Троцкий возобновил борьбу за власть. В опубликованном им предисловии к собственным сочинениям «Уроки Октября» он обрушился с острой критикой на руководство партии. При этом особо злые нападки были направлены против Зиновьева и Каменева. Снова в партии развернулась дискуссия. В ходе нее Ленинградский губком принял решение об исключении Троцкого из партии, поскольку его руководитель Зиновьев и поддерживавший его Каменев хотели довести борьбу с Троцким до конца.

Как через год напоминал Сталин, «мы имели некоторую борьбу с ленинградцами и убедили их выбросить из своей резолюции пункт об исключении. Спустя некоторое время после этого, когда собрался у нас пленум ЦК и ленинградцы вместе с Каменевым потребовали немедленного исключения Троцкого из Политбюро, мы не согласились и с этим предложением... получили большинство в ЦК и ограничились снятием Троцкого с поста наркомвоена».

Троцкий остался членом Политбюро, когда Зиновьев, Каменев и их сторонники выступили против Сталина, Бухарина, Рыкова и других членов Политбюро. При этом Зиновьев и другие повели атаку под лозунгом борьбы с «правым уклоном», вождем которого считался Бухарин. Сталина же считали заложником позиции Бухарина.

Перед XIV съездом партии Сталин и его сторонники не раз пытались преодолеть разногласия миром. За 10 дней до начала съезда, 8 декабря, Сталин обратился с письмом в президиум XXII Ленинградской партийной конференции, в котором опровергал слухи об «антиленинградской» резолюции, якобы принятой Московской XIV партийной конференцией. Для этого Сталин предлагал «ленинградцам» ознакомиться не только с резолюцией Московской партконференции, но и с содержанием ее стенограммы. Сталин высказывал беспокойство по поводу выступлений «некоторых товарищей» на Ленинградской партконференции «с речами, призывающими к открытой борьбе на партийном съезде. В настоящих условиях единство ленинцев, – даже если между ними и имеются некоторые расхождения по отдельным вопросам, – является необходимым более, чем когда-либо».

Через неделю, 15 декабря, Сталин, Калинин, Дзержинский, Молотов направили письмо в Ленинградское руководство, в котором вновь предлагался компромисс.

В отчетном докладе ЦК на съезде партии Сталин постарался не обострять внутрипартийных противоречий. В первых же словах он объявил, что у него нет глубоких разногласий ни с кем из других руководителей партии. Говоря же о своем отношении к «уклонам», он также постарался занять примирительную позицию. Признав справедливым критику некоего Богушевского, который, по словам Сталина, допустил «уклон в сторону недооценки кулацкой опасности», Сталин в то же время не считал этот «уклон» серьезным. Однако тут же Сталин решительно осудил «другой уклон – в сторону переоценки кулацкой опасности, в сторону растерянности перед кулацкой опасностью, в сторону паники: “кулак идет, караул!” <...> Вы спросите: какой уклон хуже? Нельзя так ставить вопрос. Оба они хуже, и первый и второй уклоны».

Однако попытки Сталина ограничиться в полемике завуалированными намеками не были поддержаны Зиновьевым, Каменевым и их сторонниками, которых вскоре стали именовать «новой оппозицией». В своем выступлении Каменев выдвинул весь набор обвинений, которые были изложены в «Платформе четырех». При этом он обвинял Сталина в том, что тот «целиком попал в плен... неправильной политической линии, творцом и подлинным предста-

вителем которой является т. Бухарин». В конце своей речи он заявил: «Именно потому, что я неоднократно говорил товарищу Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что товарищ Сталин не может выполнять роль объединителя большевистского штаба... Мы против единоличия, мы против того, чтобы создавать вожда».

Эти слова Каменева были встречены аплодисментами ленинградской делегации и бурей возмущения остального зала. Раздавались крики осуждения («Неверно! Чепуха! Вот оно в чем дело! Раскрыли карты!») и возгласы в поддержку Сталина. («Сталин! Сталин! Большевистский штаб должен объединиться!») В защиту Зиновьева и Каменева трижды выступала Крупская. Однако ее усилия не помогли Зиновьеву и его сторонникам. Они были в явном меньшинстве.

После столь острой дискуссии Сталин в своем заключительном слове перешел к открытой полемике против Зиновьева, Каменева и их сторонников.

В дискуссии, которая развернулась на XIV съезде партии, Троцкий не принял участие, а лишь со злорадством наблюдал разгром своих противников. После завершения съезда Зиновьев и Троцкий были переизбраны в состав Политбюро. Лишь Л.Б. Каменев был переведен из членов Политбюро в кандидаты. Еще один сторонник Каменева и Зиновьева, Г.Я. Сокольников, перестал быть кандидатом в члены Политбюро.

Однако оппозиционеры не прекратили борьбу. В начале июня 1926 года в подмосковном лесу было проведено тайное собрание сторонников оппозиции, организатором которого был заместитель военного наркома М.М. Лашевич. Было известно, что Зиновьев использовал аппарат Коминтерна, который он продолжал возглавлять, для подготовки и распространения материалов оппозиции.

А вскоре бывшие заклятые враги зиновьевцы и троцкисты объединились. Программным документом так называемой объединенной оппозиции стало «Заявление 13-ти», подписанное Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Крупской, Пятаковым, Лашевичем, Мураловым и другими. Зиновьевцы отрекались от своих недавних атак на Троцкого и троцкистов. Последние же осуждали свои выпады против Зиновьева, Каменева и других. И троцкисты, и зиновьевцы объявили, что они представляют подлинных «большевиков-ленинцев» и ведут борьбу «против правого уклона».

Осенью 1926 года опять развернулась дискуссия. На сей раз руководству партии во главе со Сталиным, Бухариным и Рыковым противостоял объединенный беспринципный блок зиновьевцев и троцкистов, сплотившихся в борьбе за власть. «Объединенная оппозиция» не получила поддержки в партийных массах. С 1 по 8 октября 1926 года в партийных ячейках Москвы и Ленинграда, на собраниях которых присутствовало 87 388 человек, за оппозиционеров проголосовало лишь 496 человек. Еще в июле 1926 года из состава Политбюро был выведен Зиновьев, а в конце октября – Троцкий. Тогда же Каменев был освобожден от обязанностей кандидата в члены Политбюро. Оппозиция объявила о прекращении борьбы.

Однако с весны 1927 года внутривластная борьба возобновилась. 24 мая 1927 года в ЦК ВКП(б) было направлено письмо, подписанное 83 оппозиционерами во главе с Троцким и Зиновьевым. «Заявление 83-х» содержало обвинения руководства партии в проведении неверной внутренней и внешней политики, а также в адрес руководства Коминтерна. В это время произошло обострение международной обстановки и возникла угроза нападения на СССР.

24 мая 1927 года в своей речи на пленуме Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ) Сталин заявил: «Я должен сказать, товарищи, что Троцкий выбрал для своих нападения на партию и Коминтерн слишком неподходящий момент. Я только что получил известие, что английское консервативное правительство решило порвать отношения с СССР. Нечего и доказывать, что теперь пойдет повсеместный поход против коммунистов. Этот поход уже начался. Одни угрожают ВКП(б) войной и интервенцией. Другие – расколом. Создается нечто вроде единого фронта от Чемберлена до Троцкого».

8 августа Троцкий, Зиновьев, Каменев, Пятаков, Смилга, Раковский, Муралов и другие направили в ЦК покаянное письмо, второе после осени 1926 года. В нем они обещали отказаться от выступлений против руководства ЦК.

Однако уже 3 сентября 13 членов ЦК и ЦКК во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым представили в ЦК подготовленный к XV съезду партии проект «Платформы большевиков-ленинцев (оппозиции)». Они потребовали начать дискуссию перед XV съездом партии.

21—23 октября 1927 года объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) вновь рассмотрел вопрос об оппозиции. В дискуссии принял участие Сталин. Сталин начал выступление с «личного момента», объясняя причины, почему он стал главной мишенью атак оппозиции: «Вы слышали здесь, как старательно ругают оппозиционеры Сталина, не жалея сил. Это меня не удивляет, товарищи. Тот факт, что главные нападки направлены против Сталина, этот факт объясняется тем, что Сталин знает лучше, может быть, чем некоторые наши товарищи, все плутни оппозиции, надуть его, пожалуй, не так-то легко, и вот они направляют удар прежде всего против Сталина. Что же, пусть ругаются на здоровье».

Сталин остановился на ленинском «Письме к съезду», который был объявлен оппозиционерами «Завещанием Ленина» и постоянно использовался оппозицией в атаках на Сталина. Напомнив, что место, в котором Ленин критиковал Сталина, «читалось раньше на пленуме несколько раз», Сталин сам зачитал слова о том, что «Сталин слишком груб...» и т. д. Закончив чтение этих слов, Сталин сказал: «Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию».

Сталин напомнил, что сразу же после зачитания «Письма» делегатам XIII съезда по делегациям, он «на первом же заседании пленума ЦК... просил пленум ЦК освободить от обязанностей генерального секретаря. Съезд обсуждал этот вопрос. Каждая делегация обсуждала этот вопрос, и все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев обязали Сталина остаться на своем посту... Через год после этого я снова подал заявление в пленум об освобождении, но меня вновь обязали остаться на посту. Что же я мог ещё сделать?»

Пользуясь тем, что оппозиция многократно возвращалась к словам Ленина о «грубости» Сталина, он постарался показать, что эта характеристика является чуть ли не единственным аргументом в арсенале оппозиции и с его помощью нельзя объяснить многие проблемы идейной борьбы в партии. Он вспоминал борьбу Троцкого с Лениным до 1917 года, позицию Троцкого в вопросе о Брестском мире и его участие в профсоюзной дискуссии и всякий раз заключал эти напоминания словами: «Может быть тут виновата грубость Сталина?» или «При чем же тут грубость Сталина?»

Сталин постарался показать, что не он, а Ленин был непримирим по отношению к тем, кто организовывал оппозиционные фракции, и обратил внимание на то, что недавно многие в ЦК ругали его, Сталина, за мягкость по отношению к оппозиции. В ответ на это замечание раздался чей-то голос из зала: «Правильно, и теперь ругаем!».

Однако сейчас Сталин не был настроен миролюбиво. Он говорил: «Теперь надо стоять нам в первых рядах тех товарищей, которые требуют исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК». Это предложение было принято пленумом.

Итоги предсъездовской дискуссии показали, что в поддержку политики руководства ЦК проголосовало 738 тыс. членов партии, против – немногим более 4 тысяч, а менее 3 тысяч воздержалось. Очевидно, что в партии сторонники оппозиции составляли лишь около 0,5 % от общего числа членов.

И все же оппозиционеры стали готовить контрдемонстрации в Москве и Ленинграде в день празднования 10-й годовщины Октябрьской революции под лозунгами «Выполним “Завещание Ленина”», «Повернем огонь направо – против кулака, нэпмана, бюрократа». Однако попытки Троцкого, Зиновьева, Смилги, Преображенского и других лидеров оппозиции обратиться к колоннам демонстрантов были сорваны активными действиями представителей Мос-

ковского комитета партии и московских райкомов партии, во главе которых стояли их руководители Угланов, Рютин и другие.

Было также очевидно, что «рабочие массы» не поддерживали оппозицию. Контрдемонстрации превратились в цепь скандалов, сопровождавшихся драками, потасовками и швырянием друг в друга разных предметов. В описаниях этих событий в числе метательных снарядов наиболее часто упоминали сосульки, что свидетельствовало о морозной погоде, а также булки, картошка, помидоры и огурцы, что косвенным образом свидетельствовало об успехах сельского хозяйства страны.

14 ноября 1927 года ЦК и ЦКК на совместном заседании после обсуждения событий 7 ноября приняли решение об исключении Троцкого и Зиновьева из партии; остальные активные деятели оппозиции были выведены из состава ЦК и ЦКК.

Состоявшийся в декабре 1927 года XV съезд партии подтвердил решение ЦК и ЦКК о Троцком и Зиновьеве, а также исключил из партии еще 75 активных членов оппозиции, включая Каменева, Пятакова, Радека, Раковского, Сафарова, Смильгу, И. Смирнова, Н. Смирнова, Сапронова, Лашевича. А вскоре Троцкий и многие другие видные оппозиционеры были высланы далеко за пределы Москвы. (Через год Троцкий был выслан в Турцию.) Троцкистско-зиновьевская оппозиция была политически и организационно разгромлена.

Однако вскоре в Политбюро возникли разногласия между Сталиным и его сторонниками, с одной стороны, и Бухариным, Рыковым, Томским – с другой. При подготовке резолюции по отчету ЦК в конце XV съезда Бухарин, Рыков, Томский и кандидат в члены Политбюро Угланов выступали против провозглашения коллективизации в качестве основной задачи партии. Отголоском этого конфликта явилось заявление Сталина об отставке 19 декабря 1927 года, во время послесъездовского пленума ЦК. В нем Сталин писал: «Прошу освободить меня от поста генсека ЦК. Заявляю, что не могу больше работать на этом посту, не в силах больше работать на этом посту». Хотя, как и прежде, это заявление не было принято участниками пленума, оно явилось явным свидетельством наличия в Политбюро острых разногласий.

Весной 1928 года разногласия относительно политики в деревне вспыхнули с новой силой. Бухарин и Сталин выступали с изложением своих взглядов и критикой своих оппонентов, но не называя их поименно. Скрытая борьба усилилась к середине 1928 года.

В своей борьбе против Сталина Бухарин пошел на союз со своими политическими противниками – зиновьевцами. 11 июля 1928 года, за день до закрытия июльского пленума, Бухарин вступил в тайные переговоры с Каменевым. Впоследствии были еще две тайные встречи Бухарина и Каменева. Узнав об этих встречах, Троцкий решил в своих планах политического реванша сделать ставку на Бухарина. В своем письме «Откровенный разговор с доброжелательным партийцем», который он написал 12 сентября и распространял среди своих сторонников, он объявил о своей готовности сотрудничать с Рыковым и Бухариным «в интересах внутрипартийной демократии». Эти встречи и письмо Троцкого означали, что еще несколько месяцев назад идейно-политические разногласия, которые разделяли сторонников «левого» и «правого уклона», отошли на задний план, а первостепенное значение заняли соображения беспринципной борьбы за власть.

Из содержания июльской беседы с Каменевым следовало, что Бухарин считал теперь главной целью отстранение Сталина с поста генерального секретаря. Он объяснял Каменеву: «Свою главную политическую задачу я вижу в том, чтобы последовательно разъяснить членам ЦК губительную роль Сталина и подвести середняка-цекиста к его снятию». Бухарин сожалел, что настроения в ЦК не позволяют осуществить намеченный им переворот. Он признавал: «Снятие Сталина сейчас не пройдет в ЦК». Оценивая шансы Бухарина в ЦК, американский историк и советолог Стивен Коэн писал: «В случае решающего голосования в ЦК... Бухарин, по всей видимости, рассчитывал вначале разделить 30 голосов из 71 примерно поровну со Сталиным, если остальные останутся нейтральными».

Однако, несмотря на ненадежность такой поддержки, Бухарин не собирался прекращать борьбы за власть. Он говорил Каменеву: «Планирую опубликовать в “Правде” статью с критикой Сталина, а также доклад Рыкова, в котором поставим все точки над “и”». Комментируя эти планы Бухарина смести Сталина с поста генерального секретаря, С. Коэн писал: «Очевидно, на эту должность претендовал Томский, хотя по логике вещей, кандидатом на нее мог быть и Угланов, активно добивавшийся смещения Сталина».

Бухарин так излагал Каменеву расстановку сил наверху: «Наши потенциальные силы огромны... Оргбюро ЦК ВКП(б) наше. (В состав Оргбюро ЦК ВКП(б), избранного на пленуме ЦК 19 декабря 1927 года, входили: А.А. Андреев, А.В. Артюхина, А.С. Бубнов, А.И. Догадов, С.В. Косиор, Н.А. Кубяк, В.М. Молотов, И.М. Москвин, М.Л. Рухимович, Д.Е. Сулимов, А.П. Смирнов, И.В. Сталин, Н.А. Угланов.) 11 апреля 1928 года пленум ЦК вывел из состава Оргбюро А.А. Андреева и ввел в его состав К.Я. Баумана (Бухарин считал, что число его сторонников в Оргбюро «значительно больше числа сторонников Сталина и Молотова». – *Примеч. авт.*). Руководители ОГПУ Ягода и Трилиссер – тоже. (Хотя официально руководителем ОГПУ был Менжинский, но он был хронически больным, и его постоянно замещали его заместители – Г.Г. Ягода и М.А. Трилиссер. – *Примеч. авт.*)»

Как замечал Коэн, «в состоявшем из девяти членов Политбюро» Бухарин и его сторонники «опирались на поддержку принадлежавшего к правым Калинина и нейтралитет или нерешительность Ворошилова, Куйбышева и Рудзутака и надеялись заручиться большинством против Сталина и Молотова». В беседе с Каменевым Бухарин перечислил тех, на чью поддержку в Политбюро он мог рассчитывать: «Рыков, Томский, Угланов абсолютно наши сторонники... Андреев тоже за нас». Однако он признавал, что расстановка сил в Политбюро не однозначна: «Я пытаюсь оторвать от Сталина других членов Политбюро, но пока получается плохо. Орджоникидзе не рыцарь. Ходил ко мне и ругательски ругал Сталина, а в решающий момент предал. Ворошилов с Калининым тоже изменили нам в последний момент».

В то же время прочность позиций Бухарина зависела не только от отдельных лиц в руководстве партии. Коэн обращал внимание также на поддержку, которую Бухарин и его сторонники имели в профсоюзах, благодаря тому, что Томский был их руководителем, в ряде центральных наркоматов, благодаря тому, что Рыков занимал пост председателя Сов-наркома, а также в центральном органе партии газете «Правда», которой руководил Бухарин. Представители «школы Бухарина» возглавляли главный партийный теоретический журнал «Большевик», «Ленинградскую правду», Московскую промакадемию, Институт красной профессуры, Коммунистическую академию, Академию коммунистического образования, важные посты в Госплане СССР, Госплане РСФСР, в ЦКК.

Одной из главных политических опор Бухарина являлось руководство Московской партийной организации. Как отмечал Коэн, «Угланов и его помощники в бюро Московского комитета ревностно и безоговорочно поддерживали Бухарина, Рыкова и Томского, используя свое положение в столице, обеспечивали организационную базу кампании против сталинской политики и поведения. Они договаривались со своими союзниками в партийных и правительственных органах, обрабатывали нерешительных и боролись со сталинскими аппаратчиками методами их же собственного аппарата. Кроме того, в министерствах (правильнее, в наркоматах. – *Примеч. авт.*), профсоюзах, центральных партийных органах и учебных заведениях Бухарин, Рыков и Томский взялись за укрепление своего контроля и объединение сторонников... Подспудная борьба сопровождалась словесной войной».

Особую роль в укреплении позиций Бухарина играла группа видных пропагандистов из так называемой школы Бухарина» (А. Слепков, Д. Марецкий, В. Астров, А. Стецкий, П. Петровский, А. Айхенвальд, Д. Розит, Е. Гольденберг, Е. Цейтлин, А. Зайцев и другие). Как писал С. Коэн, эта группа помогла «Бухарину посадить своих людей как раз в тех учреждениях, где формировалась политика и идеология, готовились будущие кадры; они с большой эффективностью

популяризировали и отстаивали его политику... В сотнях книг, брошюр, газетных статей и публичных выступлений – в учебных заведениях, на партийных собраниях и других общественных форумах, – они пропагандировали и защищали (а иногда развивали и дополняли) политику и идеи Бухарина. Они рецензировали его книги, написали его биографию и шумно прославляли его». «Школа Бухарина» превозносила своего учителя в качестве виднейшего теоретика партии и Коминтерна, готовясь провозгласить Бухарина главным руководителем партии и страны.

Во второй половине 1928 года борьба возобновилась с новой силой. Но Бухарин и его сторонники проигрывали ее. Как отмечал Коэн, «в конце лета и осенью 1928 года Сталин, заручившись санкцией большинства в Политбюро, перешел в наступление и безжалостно двинулся на устранение политической базы правых... Был уволен ряд сочувствовавшим правым работников московского и республиканского правительств». В отставку был отправлен редактор «Ленинградской правды» бухаринец П. Петровский. «Примерно в то же самое время... молодые бухаринцы-редакторы “Правды” и “Большевика”: Слепков, Астров, Марецкий, Зайцев и Цейтлин, – были смещены со своих должностей и заменены сталинистами»... На Угланова и поддерживавших его секретарей райкомов обрушился огонь кампании «самокритики», направленной против «правого оппортунизма»... В первые недели октября Угланов столкнулся с повальным неповиновением в партийных низах, оказался не в состоянии сменять и перемещать работников в своей собственной организации и вынужден был сместить двух своих наиболее активных секретарей райкомов, Рютина и Пенькова».

На заседании Московского комитета 18–19 октября критике был подвергнут первый секретарь МК Угланов за «терпимое отношение к правому уклону». 19 октября на заседании выступил Сталин. Хотя он категорически отказывался «заострять вопрос на лицах, представляющих правый уклон», Сталин впервые резко поставил вопрос о «правом уклоне» и его опасности. Резюмируя, как и прежде, что оба уклона «хуже», Сталин тем не менее указал, что на сей раз необходимо сделать акцент на борьбу с правым уклоном.

Соппротивление Сталину пытался оказать Томский на VIII съезде проф-союзов, проходившем в декабре 1928 года, но он оказался в меньшинстве. Тогда Томский подал в отставку с поста руководителя ВЦСПС, который он занимал с 1918 года, но отставка не была принята. В отставку с постов редактора «Правды» и политического секретаря ЦК ВКП(б) подал и Бухарин.

Отношение к Бухарину и его сторонникам резко изменилось после 20 января 1929 года, когда вышла в свет подпольная троцкистская брошюра, содержащая запись переговоров Бухарина с Каменевым. Разбору факта этих переговоров и их содержания было посвящено объединенное заседание Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б), открывшееся 30 января и продолжавшееся до 9 февраля. Бухарин и его сторонники выступили 30 января с декларацией, в которой они обвиняли Сталина в проведении губительной политики «военно-феодальной эксплуатации крестьянства», разложении Коминтерна, насаждении бюрократии и предрекали: «Все наши планы грозят рухнуть».

И все же и на этот раз 7 февраля Сталин предложил Бухарину компромисс на следующих условиях: «1. Признание им ошибкой переговоры с Каменевым; 2. Признание им, что утверждения в заявлении от 30 января “сделаны сгоряча, в пылу полемики” и отказ от них; 3. Признание им необходимости дружной работы в Политбюро; 4. Отказ от отставки с постов в “Правде” и Коминтерне; 5. Отказ от заявления 30 января».

Лишь отказ Бухарина от компромисса заставил Сталина покончить с попытками «не выносить сор из избы». Ссылаясь на то, что до сих пор терпимое отношение к ним объяснялось незнанием об их сговоре с оппозицией, Сталин 9 февраля заявил: «Могли ли мы знать... что в архиве Каменева имеется некая “запись”, из которой ясно, что мы имеем внутри ЦК особую группу со своей платформой, пытающуюся сблокироваться с троцкистами против партии?.. Не пришло ли время положить конец этому либерализму?»

В решении, принятом на этом заседании Политбюро, переговоры Бухарина с Каменевым расценивались как «фракционный шаг, рассчитанный на организацию блока с целью изменения партийного курса и смены руководящих органов партии». Было принято обращение к членам ЦК с просьбой рассмотреть вопрос о внутрипартийном положении. В период подготовки пленума ЦК по всей стране проводились собрания, пленумы партийных комитетов, конференции, участники которых принимали резолюции с осуждением «правого уклона».

Состоявшийся с 16 по 23 апреля 1929 года объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) подвел итог конфликту, который тянулся уже более года. С большой речью на пленуме выступил Сталин. Впервые за пределами Политбюро он открыто говорил о своих разногласиях с Бухариным и его сторонниками. Одновременно он напомнил о нелестных словах Ленина о сомнительности марксизма Бухарина. Сказал он и о борьбе Бухарина против Ленина в связи с заключением Брестского мирного договора.

В своих выступлениях на пленуме А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, С.М. Киров, В.В. Куйбышев, Г.К. Орджоникидзе, Я.Э. Рудзутак, то есть все те лица, которые, по расчетам Бухарина, занимали либо колеблющуюся позицию, либо сочувствовали ему, единодушно, безоговорочно и резко осудили «правых», то есть сторонников Бухарина. Резолюция пленума «По внутрипартийным делам» объявила платформу правого уклона «знаменем, под которым группировались все идейные противники и классовые враги Советского государства».

Правда, даже после этого грозного решения ни Бухарин, ни его союзники не были выведены из Политбюро. Очевидно, что решающим оказалось мнение Сталина, который заявил на пленуме: «Некоторые товарищи настаивают на немедленном исключении Бухарина и Томского из Политбюро ЦК. Я не согласен с этими товарищами. По-моему, можно обойтись в настоящее время без такой крайней меры». Кроме того, были приняты меры для того, чтобы не разглашать содержание дискуссий на пленуме и персональных решений. Сталин потребовал: «Надо установить специальные меры, вплоть до исключения из ЦК и из партии, против тех, которые попытаются нарушить секретность решений партии, ее ЦК, ее Политбюро». Перестал быть кандидатом в члены Политбюро лишь Угланов.

Правда, вскоре Бухарин был освобожден от должности ответственного редактора «Правды» и выведен из состава ИККИ, а Томский снят с поста председателя ВЦСПС. Рыков же был оставлен на посту председателя Совета народных комиссаров СССР и исполнял эти обязанности до декабря 1930 года. Бухарин был выведен из состава Политбюро в ноябре 1929 года. Томский не был избран в состав Политбюро после XVI съезда партии в июле 1930 года. Рыков был выведен из состава Политбюро в декабре 1930 года.

Рассмотрение событий в политической жизни СССР 1924–1930 годах показывает, что оно не соответствует господствующим ныне представлениям о том, что Сталин осуществлял заговор с целью последовательно и коварно расправиться с членами руководства правящей партии.

Из предыдущего видно, что инициатором столкновений в руководстве выступал не Сталин. Как и при жизни Ленина, так и после его смерти Троцкий, Зиновьев, Бухарин, Рыков и ряд других противопоставляли свою позицию той политике, которая была согласована коллективным руководством и должна была строго осуществляться. Эти люди не раз отказывались не только от согласованных решений, но и от провозглашенных ими же принципов в ходе полемики. Так, Зиновьев и Каменев отреклись от своих антитроцкистских заявлений, Троцкий отказался от своей жесткой критики Зиновьева и Каменева, а Бухарин вступил в тайный сговор с Каменевым, на исключении которого из Политбюро и ЦК он недавно настаивал.

В этих столкновениях Сталин неизменно занимал не только наиболее последовательную, но и миролюбивую позицию. Он возражал против исключения и даже ареста Троцкого, когда на этом настаивали Зиновьев и Каменев, против изгнания Бухарина из руководства, когда это требовали Зиновьев и Каменев. Он предлагал компромиссные решения в конфликтах с Зиновьевым и Каменевым.

вьевым и Каменевым, а затем – в конфликте с Бухариным и его сторонниками. Однако, столкнувшись с господствующим интриганством в руководстве партии, Сталин порой не выдерживал и объявлял о своем желании выйти из правящего коллектива.

Победа Сталина над интриганами из Политбюро объяснялась не тем, что он прибегал к внезапным арестам или убийствам из-за угла. Даже недоброжелательный к Сталину его биограф Дейчер признавал, что «в то время многим людям казалось, что, по сравнению с другими большевистскими лидерами, Сталин не обладал наибольшей нетерпимостью. Он был менее злобен в своих атаках на противников, по сравнению с другими триумвирами. В его речах всегда звучали нотки добродушного и немного бодряческого оптимизма, что отвечало преобладавшим благодушным настроениям. В Политбюро, когда обсуждались важные политические вопросы, он никогда не навязывал коллегам свои взгляды. Он внимательно следил за ходом дискуссии, чтобы увидеть, куда ветер дует и неизменно голосовал с большинством, если он только не добивался заранее того, чтобы большинство действовало так, как он считал нужным. Поэтому он всегда был приемлем для большинства. Для партийной аудитории он не казался человеком, имевшим личную корысть или затаившим личную обиду. Он казался преданным ленинцем, хранителем доктрины, который критиковал других исключительно во имя дела. Он производил такое впечатление даже в тех случаях, когда он говорил за закрытыми дверями Политбюро».

Значительная часть борьбы в руководстве партии велась в условиях гласности. Разногласия между членами Политбюро были предметом открытых обсуждений в Центральном комитете партии или широких дискуссий в партии. Выбор между Сталиным и его сторонниками, с одной стороны, и троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами, с другой стороны, был сделан подавляющим большинством членов ЦК и подавляющим большинством членов партии.

Глава 3. Почему советские люди пошли за Сталиным?

Объясняя победу Сталина, его соперники уверяли, что он одержал верх над ними благодаря тому, что использовал против них механизм партийного аппарата. Бухарин говорил об «интриганстве» Сталина. Троцкий уверял: «Аппарат создал Сталина». Поэтому они сокрушались, что им не удалось во время добиться снятия Сталина с поста генерального секретаря.

Не сбрасывая со счетов значение поста генерального секретаря для успеха Сталина, американский историк Роберт Таккер указывал, что лишь этим обстоятельством «нельзя объяснить события того времени. Претенденту на роль руководителя понадобилось бы предложить привлекательную программу и сделать ее убедительной для высших партийных кругов». Соглашаясь с ним, видный американский советолог Джерри Хаф обращал внимание на то, «всего лишь 45 процентов из членов Центрального комитета были партийными функционерами, в то время как программа индустриализации, предложенная Сталиным, была привлекательна для растущего числа хозяйственных руководителей в составе Центрального комитета. (Их было 20 % от общего числа членов ЦК в 1927 году.)».

Подчеркивая сознательный характер поддержки Сталина рядовыми членами ЦК, не входившими в Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК, Стивен Коэн указывал на значительную роль в принятии решений «неофициальной группы старших членов ЦК... – двадцати – тридцати влиятельных лиц, таких как высшие партийные руководители и главы важнейших делегаций в ЦК (представляющих в первую очередь Москву, Ленинград, Сибирь, Северный Кавказ, Урал и Украину)». Они, по словам Коэна, «в большинстве своем не были бездумными политическими креатурами, а сами являлись крупными, независимо мыслящими руководителями... К апрелю 1929 года эти влиятельные люди предпочли Сталина и обеспечили ему большинство в высшем руководстве».

Не в последнюю очередь выбор в пользу Сталина был сделан потому, что он гораздо ответственнее относился к работе и гораздо лучше с ней справлялся, чем его оппоненты. Члены ЦК и другие видные деятели партии могли наблюдать, что, пока его оппоненты пребывали на курортах и писали статьи об искусстве, он в это время был вынужден в одиночку заниматься вечными и трудными вопросами российского хозяйства. Они не раз были свидетелями того, как оппоненты Сталина уходили от решения сложных вопросов, предпочитая им яркие декларации с трибун.

Люди, привыкшие видеть Троцкого, Зиновьева, Бухарина и других не только на трибунах, а там, где решались важнейшие вопросы советского государства, не имели иллюзий относительно их деловых качеств. Им было известно, что шумная репутация Троцкого была в значительной степени преувеличена, а его организационные «таланты» проявлялись главным образом в приказах с угрозами расстрелов. Член РВС Республики К.Х. Данишевский вспоминал: «Не помню, в какой из моих приездов в Москву из Арзамаса и свиданий с Владимиром Ильичом зашел разговор о Троцком и его роли на фронте. Я передавал общее недовольство фронтовых политработников партизанскими наскоками поездов Троцкого на тот или другой боевой участок. Недовольно было и командование, ибо часто при проездах и во время пребывания поездов Троцкого на фронте создавалось двоевластие, путались действия, планы, потому что Троцкий часто о своих распоряжениях и действиях не ставил в известность ни командование, ни Реввоенсовет... При этом Троцкий пытался и непосредственно командовать. Все это вносило путаницу на фронте, нервировало и политработников, и командование».

Рой Медведев привел отрывок из письма армейского работника В. Трифонова, который в разгар Гражданской войны Троцкого называл «бездарнейшим организатором» и подчеркивал: «Армию создавал не Троцкий, а мы, рядовые армейские работники. Там, где Троцкий пытался

работать, там сейчас же начиналась путаница. Путанику не место в организме, а военное дело именно такой организм и есть».

Среди ведущих руководителей страны дурную славу работника имел и Зиновьев. Троцкий не сильно преувеличивал, когда так характеризовал Зиновьева: «В благоприятные периоды... Зиновьев очень легко взбирался на седьмое небо. Когда же дела шли плохо, Зиновьев ложился на диван, не в метафорическом, а в подлинном смысле». Эту характеристику Троцкий подтверждал словами Свердлова: «Зиновьев – это паника». Суммируя эти и другие оценки Зиновьева, Рой Медведев, отнюдь не склонный к очернительству противников Сталина, писал: «Многие люди, хорошо знавшие Зиновьева, не без основания отмечали не только его большую активность, но и отсутствие выдержки, неразборчивость в средствах, склонность к демагогии, а также исключительное честолюбие и тщеславие. Это был человек, который мало у кого вызывал искреннюю симпатию».

Низко оценив деловые качества Зиновьева, Медведев еще ниже оценивал наличие этих качеств у Каменева, замечая, что тот «уступал им (Зиновьеву и Сталину) как администратор». Хотя Ленин полагался на его исполнительность, Каменев не отличался деловым рвением и не раз заявлял в кругу друзей о том, что было бы гораздо лучше, если бы большевики не брали власть, а ограничились пребыванием в парламентской оппозиции. Склонный к сибаритству Каменев считал, что для него было бы легче произнести обличительную речь в Думе и затем отдыхать от трудов праведных, чем решать нескончаемые дела по управлению страной, не дававшие ни минуты покоя.

Объясняя, почему члены партийного руководства предпочли Сталина Бухарину, С. Коэн писал: «В какой-то степени их выбор безусловно определялся тем, что они ощущали родство с генсеком, как с волевым “практическим политиком”, тогда как мягкий, погруженный в теорию Бухарин по сравнению с ним, мог, возможно, показаться “просто мальчиком”». С. Коэн признавал, что «Сталин имел огромное преимущество над Бухариным, который характеризовал себя как “худшего организатора в России”». Комментируя это замечание Бухарина о себе, Коэн писал: «Хотя это, вне сомнения, преувеличение, Бухарин, по всей видимости, сильно манкировал своими организационными обязанностями».

Люди, постоянно наблюдавшие высших советских руководителей, не могли не замечать, что, в отличие от своих соперников, Сталин принимал на себя огромный груз поручений, исполнение которых было зачастую сопряжено с напряженной и нередко неблагодарной работой. Именно за эти качества ценил Сталина Ленин.

Работа во имя государственных дел была главным для Сталина. В.М. Молотов вспоминал: «У Сталина была поразительная работоспособность... Я это точно знаю. То, что ему нужно было, он досконально знал и следил... И смотрел не в одну сторону, а во все стороны. Политически важно было, скажем, авиация – так авиация... Пушки – так пушки, танки – так танки, положение в Сибири – так положение в Сибири, политика Англии – так политика Англии, одним словом, то, что руководитель не должен выпускать из своего поля зрения... Сталин спросит: “Важный вопрос?” – “Важный”. Он тогда лезет до запятой».

Отдавая всего себя работе, Сталин требовал того же и от других. Н.К. Байбаков вспоминал: «Работа требовала много сил и нервов. Громадные физические и психологические перегрузки выработали в нас, руководителях, особый, беспощадный к себе стиль работы. Если наркомы работали в “сталинском режиме”, то есть по ночам, то их заместители фактически и дневали, и ночевали в наркоматах. Иногда я не спал по двое суток подряд. Обычно в 4–5 часов утра Поскребышев, заведующий Секретариатом ЦК ВКП(б), звонил по телефону членам Политбюро и сообщал, что Сталин ушел отдыхать. Только после этого расходились».

Увлеченность Сталина работой органично соединялась с его деловитостью и готовностью обсуждать сложные государственные вопросы с людьми разного положения. Дейчер замечал: «Его облик и поведение олицетворяли скромность. Он был более доступен для среднего слу-

жащего или партийного работника, чем другие лидеры... Будучи замкнутым, он был непревзойденным мастером в умении терпеливо слушать других. Иногда можно было видеть, как он сидит в углу, попыхивая трубкой и не шелохнувшись, слушает взволнованного рассказчика час, а то и два часа, лишь порой прерывая свое молчание парой вопросов. Это одно из его качеств, которое демонстрировало отсутствие эгоизма».

О высокой требовательности Сталина к себе свидетельствовали многие. Дейчер отмечал, что «личная жизнь Сталина была безупречной и не вызывала подозрений». Его личный секретарь, сбежавший за границу Бажанов, писал: «У этого страстного политика нет других пороков. Он не любит ни денег, ни удовольствий, ни спорт, ни женщин. Женщины, кроме его жены, не существуют».

Образ жизни Сталина отвечал представлениям о пролетарском вожде, в отличие, например, от Троцкого, любившего устраивать в Кремле шумные вечеринки, которые венчались коллективными выездами на охоту в Подмоскovie. Дейчер признавал, что Сталин и Аллилуева «жили в небольшой квартире в доме, который был предназначен для прислуги в Кремле... Печать обыденности и даже аскетизма лежала на личной жизни генерального секретаря и это обстоятельство производило благоприятное впечатление на партию, члены которой руководствовались пуританскими нравами и поэтому были озабочены первыми признаками коррупции и распущенности в Кремле».

О том, что такой стиль поведения супругов сохранился и после того, как Сталин стал первым вождем партии и страны, подтверждает переписка между Надеждой Аллилуевой и Сталиным. Так, в сентябре 1929 года Аллилуева, которая в это время обучалась в Промакадемии, пишет из Кремля: «Иосиф, пришли мне, если можешь руб. 50, мне выдадут деньги только в 15/IX в Промакадемии, а сейчас я сижу без копейки. Если пришлешь, будет хорошо. Надя». Через десять дней Сталин отвечает ей из Сочи: «Забыл прислать тебе деньги. Посылаю их (120 р.) с отъезжающим сегодня товарищем, не дожидаясь очередного фельдъегеря. Целую. Твой Иосиф». Поскольку речь идет о сумме, составлявшей тогда около месячной заработной платы квалифицированного рабочего, совершенно ясно, что у супругов не было никаких денежных накоплений. Также ясно, что супруга Сталина даже не помышляла о том, чтобы приобретать что-либо в «кредит».

Из переписки ясно, что во многих случаях супруги привыкли обходиться без посторонней помощи. Так, находясь в Сочи, Сталин просил не обслуживающих его секретарей, а Аллилуеву, чтобы та подыскала ему самоучитель английского языка, учебник по металлургии и учебник по электротехнике, а та, не обращаясь ни к кому за помощью, сама искала эти книги. При этом Сталин посылал свои письма жене обычной почтой. Однажды одно письмо Сталина из Сочи пропало, и розыск его ни к чему не привел.

Разумеется, материальное положение супругов было несравнимо лучше, чем рядовых советских граждан. И все же многие стороны жизни семьи не отличались от жизни большинства москвичей. Из писем Аллилуевой следует, что члены семьи Сталина перемещались по Москве не на персональных машинах, а с помощью общественного транспорта, как и остальные жители столицы. Аллилуева делилась со Сталиным впечатлениями от своих поездок в московском трамвае. Она сообщала Сталину и о возникших в конце 1929 года очередях за молоком, и о настроениях людей осенью 1930 года, о строительстве в Москве и состоянии московских улиц. Писала она Сталину в Сочи и о том, что, несмотря на минусовую температуру в начале октября 1930 года, московские власти распорядились не топить дома до 15 октября и ей, как и остальным студентам Промакадемии, приходилось сидеть на занятиях в пальто.

Нетребовательность в быту сохранялась у Сталина до конца его жизни. Даже такой критик Сталина, как А.И. Микоян, признавал: «В личной жизни Сталин был очень скромнен, одевался просто». Маршал Советского Союза Г.К. Жуков вспоминал: «Как известно, И.В. Сталин вел весьма скромный образ жизни. Питание было простое – русской кухни, иногда готовились

грузинские блюда. Никаких излишеств в обстановке, одежде и быту у И.В. Сталина не было». Подобное же впечатление сложилось и у главного маршала авиации А.Е. Голованова: «Мне довелось наблюдать Сталина и в быту. Быт этот был поразительно скромен. Сталин владел лишь тем, что было на нем надето. Никаких гардеробов у него не существовало». Суммируя свои впечатления о быте и личной жизни Сталина, Голованов замечал: «В его личной жизни не было чего-либо примечательного, особенного. Мне она казалась серой, бесцветной. Видимо, потому, что в привычном нашем понимании ее у него просто не было».

Сталин был крайне непритязателен к своей одежде. В своем дневнике его родственница М.А. Сванидзе записала 4 ноября 1934 года о Сталине: «Он с трудом всегда меняет по сезонам одежду, долго носит летнее, к которому, очевидно, привыкает, и та же история весной и так же с костюмами, когда они снашиваются и надо одеть новый». Охранник А. Рыбин рассказал, на какие хитрости приходилось идти обслуживавшему персоналу сталинской дачи, чтобы сменить развалившуюся мебель или хотя бы заставить генералиссимуса одеть новые полуботинки. В последнем случае Сталин сурово требовал вернуть ему старую, изношенную обувь, и горничным с трудом «удавалось блеском крема скрыть ветхость обуви».

Ссылаясь на воспоминания начальника правительственной охраны генерала В.С. Рясного, Феликс Чуев писал, что после его смерти «выяснилось, что хоронить Сталина не в чем. Рясной открыл шкаф, а там всего четыре костюма – два генералиссимусских и два гражданских, серый и черный. Черный сшили, когда приезжал Мао Цзэдун, специально сшили, насильно, и Сталин его так ни разу и не надел. Да еще бекеша висела – старинная, облезлая, выцветшая. «Лет сто ей, наверно, было, ей-богу, – говорит Рясной. – Бекеша или архалук вроде шубейки – наденет, бывало, и по саду гуляет. (Видимо, Рясной имел в виду доху, которую Сталин вывез из Туруханской ссылки. – *Примеч. авт.*) Один генералиссимусский китель был весь замазанный, засаленный, а другой – обштрипанный... Новый костюм не шили. Сталин лежал в гробу в своем стареньком, но сносном: рукава подшили, китель вычистили».

Вряд ли такую непритязательность к своей одежде можно было объяснить стремлением культивировать аскетизм напоказ, хотя бы потому, что личная жизнь руководителей в советское время была закрыта от глаз общественности. Сталин вел тот образ жизни, который в основном отвечал потребностям человека, воспитанного в бедности и приученного в духовных училищах к умеренности в своих потребностях и скромности во внешнем виде. Сталин не поддавался стремлению к удовлетворению мыслимых и немыслимых потребностей, типичному для многих руководителей, получивших такие возможности в силу своего властного положения. Скорее всего, считая самым главным в своей жизни свою работу, Сталин не придавал большого значения тому, как он выглядит со стороны, и соответствует ли его наряд представлениям о моде или нет. Так, например, его нежелание приобретать новую обувь объяснялось его хроническими болями в ногах, и он предпочитал хорошо разношенные ботинки. Он даже проделывал сам дырки в сапогах, чтобы не травмировать больные ноги.

Поскольку он искал в окружавших его условиях прежде всего наибольшего удобства для своей работы, то для него было неважно, как это достигалось: возможностью носить полуразвалившиеся, но разношенные ботинки или пребывать в большом парке, обеспечивающем уединение, одеть древнюю, но необыкновенно теплую доху и поспать в ней на зимнем воздухе или ездить в быстроходной государственной машине, обходиться большую часть времени без назойливых слуг или иметь огромный штат охраны, обеспечивающий ему безопасность и защиту от надоедливых посетителей.

Поскольку же, выбирая между дешевым и простым удобством и дорогостоящей модой, он был безоговорочно на стороне удобства, то его дачи, в которых он жил, не обладали теми модными дорогими сооружениями, без которых потом не строились дачи высокопоставленных руководителей или коттеджи современных богатых людей. Рыбин писал о «Ближней» даче Сталина: «Никаких бассейнов или массажных на даче не имелось. Никакой роскоши – тоже».

Хотя Сталин пользовался государственными автомашинами и жил на различных дачах, они не были его личной собственностью. Ни один из дорогих подарков, преподнесенных ему как руководителю страны, ни один из предметов домашнего быта кремлевской квартиры или дач не остался в собственности его детей. Небогатыми оказались и денежные накопления Сталина, переданные в наследство его детям. В своих воспоминаниях А. Рыбин писал, что после смерти Сталина сотрудник его личной охраны Старостин «обнаружил сберегательную книжку. Там скопилось всего девятьсот рублей – все богатство вождя (в 1953 году подобная сумма составляла примерно около полумесячной заработной платы квалифицированного рабочего. – *Примеч. авт.*). Старостин передал сберкнижку Светлане».

Несмотря на то, что стиль работы и образ жизни советских руководителей не были предметами всеобщей гласности, о том, как они работают и живут, было хорошо известно членам ЦК и другим видным деятелям партии. Для многих из них Сталин служил примером того, как надо отдавать себя работе и как не злоупотреблять служебным положением в личных целях. Но и в широких партийных массах Сталин пользовался популярностью. Прежде всего, в нем видели человека, который с первых дней советской власти подчинялся строгой дисциплине и боролся против раскола в рядах партии.

С самого ее начала история большевистской партии была отмечена не прекращавшейся внутрипартийной борьбой, чреватой расколом. Перспектива раскола партии, преодолевавшей огромные трудности подпольной жизни, а после прихода к власти оказавшейся в окружении подавляющего беспартийного большинства страны, вызывала тревогу всех ее членов, а потому «раскольники» решительно осуждались ее большинством. «Раскольниками» считались меньшевики, отзовисты, ликвидаторы, ультиматисты, левые коммунисты, военная оппозиция, рабочая оппозиция, децисты, всевозможные «национальные уклонисты», авторы различных «писем» и «платформ», то есть все, кто на протяжении нескольких десятилетий выступал против «генеральной линии» партии.

Боязнь раскола партии была особенно велика среди коммунистов после Октябрьской революции, поскольку они сознавали, что его последствия могут быть губительными для них в стране, где правящая партия была окружена океаном беспартийных людей, которые могли поддержать антикоммунистические силы. Многие коммунисты оценивали взгляды лидеров оппозиции прежде всего с точки зрения того, как их борьба против руководства повлияет на единство партии.

С начала 1920-х годов возмутителем спокойствия был Троцкий и неудивительно, что подавляющее большинство членов партии на разных уровнях выступило против него и его сторонников. Для многих из них не было сомнений и в том, что Зиновьев и Каменев первыми выступили против Сталина, Бухарина и других членов Политбюро. Члены партии прекрасно знали, что они стали организаторами «бунта» ленинградской организации против большинства делегатов съезда. Их объединение с Троцким, этим вечным бунтарем против Ленина, а затем против Сталина, отречение от решений, за которые они голосовали, отказ от своей же яростной критики Троцкого лишь укрепило впечатление о них как о раскольниках партии и беспринципных политиках, стремящихся узурпировать власть, не считаясь с волей большинства.

Когда же Бухарин, Рыков и Томский выступили первыми против решений Политбюро о чрезвычайных мерах, за которые они недавно голосовали, многие члены партии считали, что «правые» саботируют слаженную работу, направленную на решение государственных вопросов, и втягивают партию в неконструктивную дискуссию. Переговоры же с Каменевым показали беспринципность Бухарина и его сторонников в его борьбе за личную власть. Нарушение оппонентами Сталина согласованных решений, противопоставление ими своих «платформ» «генеральной линии» партии, их союзы с бывшими политическими противниками препятствовали привлечению на их сторону колеблющихся членов Политбюро и Центрального комитета, а затем и остальных членов партии.

В противовес своим противникам Сталин для подавляющей части руководства партии и рядовых ее членов олицетворял стремление обеспечить единство в партии. Такая позиция органично вытекала из всей его партийной деятельности. Он твердо стоял на позиции ленинского большинства с 1903 года. В 1909 году, находясь в Баку, он вместе с другими членами Бакинского комитета партии забил тревогу в связи с угрозой раскола партии «на отдельные организации». Затем он постоянно поддерживал ленинское большинство, даже в тех случаях, когда он явно не был согласен с восторжествовавшим мнением.

Постоянно выступая против оппозиционеров и в то же время стремясь обеспечить единство партии в ходе дискуссий 20-х годов, Сталин демонстрировал не раз свою готовность к преодолению разногласий мирным путем. Он проявлял не раз способность к компромиссу и способность забыть былые острые споры во имя общего дела. Это обстоятельство также располагало членов партии к Сталину.

Однако не только страх перед расколом объединял коммунистов вокруг Сталина. В то время все материалы съездов и пленумов ЦК широко изучались рядовыми коммунистами, а потому они в неменьшей степени, чем члены ЦК и делегаты съездов, были осведомлены о сути программ Сталина и их противников. Их выбор в пользу курса Сталина на ускоренное развитие страны был сознательным.

Успехи Советской страны в мирном созидательном труде позволили правительству в конце 1927 года объявить о введении 7-часового рабочего дня. Однако троцкистско-зиновьевская оппозиция увидела в этом решении стремление уйти от выполнения интернационального долга перед мировой революцией и осудила его. Оппозиционеры клеймили руководство страны за срыв развития «перманентной революции». Они осуждали поддержку советским руководством Гоминьдана в Китае, «неверную» политику по отношению к профсоюзам Англии. Комментируя эти обвинения оппозиции в адрес Сталина, американский историк и советолог Адам Улам писал: «Но каким образом Советский Союз мог отвечать за то, что коммунизм не одерживал побед в 1926 году? Как Сталин мог стать причиной экономического возрождения Германии, или неудач коммунистов Франции на выборах, или провала британской всеобщей забастовки?» Оппозиционеры с пафосом заявляли о «термидорианском перерождении» партии, ссылаясь на опыт французской революции 1789–1794 годов, обличали его «нерешительность», противопоставляя деятельность премьера Франции Ж. Клемансо в 1917 году. Как справедливо замечал Дейчер, решению правительства о сокращении рабочего дня оппозиция могла противопоставить вопросы, «которые для рабочих казались абстрактными: Гоминьдан, англо-русский комитет, перманентная революция, термидор, Клемансо и т. д. Единственный вопрос, по которому язык оппозиции не был труден для понимания, было требование улучшить положение рабочих». Теперь, после ее выступления против семичасового рабочего дня, «вокруг оппозиции возникла стена безразличия и враждебности», признавал Дейчер.

Вместо того чтобы трезво оценить причины своего поражения, Троцкий обвинял коммунистов и рабочих в том, что они руководствуются «шкурными интересами». Сталин подчеркивал, что Троцкий не понимает ни партийных, ни рабочих масс. Комментируя надменные высказывания Троцкого о партийных и рабочих массах, Сталин говорил: «Так могут говорить о нашей партии только люди, презирающие ее и считающие ее черной. Это взгляд захудалого партийного аристократа на партию, как на голосующую баранту».

Казалось бы, Бухарин, Рыков и другие выступали за строительство социализма в одной стране, и Троцкий даже обвинял их в «крестьянско-национальном уклоне». Однако вскоре выяснилось, что Бухарин и его сторонники не собираются спешить с построением социализма, а рассчитывают ждать мировой революции, не меняя рыночных отношений нэпа.

Между тем оппозиция Бухарина и других «правых» свертыванию нэпа не встречала поддержки у рабочего класса. Перебои с продовольствием во многих городах в 1927 году усилили недовольство нэпом со стороны рабочего класса. Вспоминая свою юность в 20-е годы,

член брежневского Политбюро К.Т. Мазуров замечал: «Нэп принес процветание торговле и мелкому предпринимательству, получше стали жить крестьяне. А рабочим было по-прежнему очень тяжело. У них на столе часто не бывало хлеба. Росло их недовольство... Рабочие считали: пускай прижмут тех, кто прячет хлеб, и он у нас появится». Как отмечали историки Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов: «Рабочий класс не стал той социальной силой, которая за принципы нэпа держалась и боролась... Когда в 1927 году обострились социальные проблемы, возникли продовольственные трудности, когда в 1928 году были введены “заборные книжки” (карточная система снабжения продуктами), рабочих к нэпу уже ничто не привязывало». Впрочем, и среди значительной части крестьянства не было поддержки нэпа и воссозданных им рыночных отношений. Бордюгов и Козлов писали, что «35 % крестьян, освобожденных от уплаты сельхозналога, пролетарские, полупролетарские и бедняцкие элементы деревни – были ли они заинтересованы в сохранении нэпа? Те льготы, классовые гарантии, которыми пользовалась деревенская беднота в 1920-е годы, гарантировалась ей непосредственным государственным вмешательством в экономику».

Переход Сталина от защиты нэпа в борьбе против троцкистов, а затем и зиновьевцев к отказу от нэпа был воспринят положительно большинством рабочего класса страны по мере того, как начался кризис нэпа. Сталин предлагал тяжелый, но быстрый и радикальный выход из существовавших трудностей: не только осуществить построение социализма в одной стране, как до этого говорил он вместе с Бухариным, но достичь этой цели в кратчайшие сроки. В этой своей деятельности он получал широкую поддержку от наиболее широких, наиболее динамичных и наименее обеспеченных классов и социальных слоев населения. Успехи Сталина в этой деятельности были успехами этих классов и слоев, его неудачи и провалы во многом были следствием классовой и социальной психологии тех, кто представлял его главную общественную опору.

При этом поддержка Сталина не ограничивалась рядами правящей партии и пролетариата. В самых широких слоях населения страны, среди политически сознательных и патриотически настроенных представителей крестьянства, научной и творческой интеллигенции, военных специалистов, гражданских служащих многие видели в Сталине наиболее последовательного и решительного защитника национальных интересов страны. С первых же дней советской власти он отстаивал укрепление единства народов нашей страны, создавая федеративную по форме, но унитарную по сути державу. Из года в год Сталин доказывал возможность построения социализма в одной стране во имя ее превращения в мощную индустриализированную державу. Эти люди могли видеть, что Сталин прилагает максимум усилий для того, чтобы претворить в жизнь поставленные им задачи.

Эти цели отвечали настроениям многих людей в различных классах и социальных группах страны. В этом можно усомниться, сославшись на то, что в ту пору в СССР не существовало реальных возможностей для выражения общественных взглядов путем представительных выборов. Однако это сомнение можно опровергнуть мнением такого противника советской власти, каким был виднейший социолог того времени Питирим Сорокин, который считал, что устойчивость любого строя служит лучшим свидетельством того, что он пользуется поддержкой наиболее политически активных масс. Он писал: «Наивно полагать, что так называемый абсолютный деспот может себе позволить все, что ему заблагорассудится, вне зависимости от желаний и давления его подчиненных. Верить, что существует такое “всемогущество” деспотов и их абсолютная свобода от общественного давления – нонсенс». При этом Питирим Сорокин ссылаясь на Герберта Спенсера, который утверждал: «Как показывает практика, индивидуальная воля деспотов суть фактор малозначительный, его авторитет пропорционален степени выражения воли остальных». Ссылаясь Сорокин и на Ренана, замечавшего, что каждый день существования любого социального порядка в действительности представляет собой постоянный плебисцит членов общества, и если общество продолжает существовать, то это значит

более сильная часть общества отвечает на поставленный вопрос молчаливым «да». Комментируя эти слова, Сорокин заявлял: «С тех пор это утверждение стало банальностью». Фактически Сталин получил поддержку «наиболее сильной части» советского общества.

Следует учесть обусловленность выбора Сталина мировой обстановкой. Сталин оказался выбран правящей партией и всеми политически активными силами советского общества, когда возникла потребность в руководителях, отвечавших повороту исторического развития в сторону нового мирового конфликта, чреватого смертельной угрозой для нашей страны. Еще до завершения послевоенной стабилизации хозяйства и начала мирового экономического кризиса в странах капитализма началась гонка вооружений, вызванная ожиданием новой мировой войны.

В это время в штабах и военных академиях разрабатывались планы новой мировой, еще более разрушительной войны. Политические деятели ряда держав не скрывали своих намерений перекроить мир в свою пользу за счет нашей страны. В 1927 году премьер-министром Японии бароном Гиити Танака был подготовлен меморандум, в котором говорилось, что в течение ближайших десяти лет «Япония должна принять политику Крови и Железа». Реализация этой политики должна была привести к покорению Японией всего азиатского материка или значительной его части, половина которого находилась в пределах СССР.

Незадолго до этого меморандума, в декабре 1926 года, в Мюнхене вышел в свет второй том книги А. Гитлера «Майн кампф», в котором провозглашалось: «Мы прекращаем вечное германское движение на юг и запад Европы и поворачиваем наши взоры к землям на востоке... Когда мы сегодня говорим о территории в Европе, мы можем думать прежде всего о России и пограничных государствах, являющихся ее вассалами». В мае 1928 года на выборах в рейхстаг нацистская партия Гитлера, которую до сих пор никто не принимал всерьез, получила 800 тысяч голосов. При поддержке влиятельных промышленников Германии нацисты превратились к июлю 1932 года в ведущую политическую силу страны, заняв первое место по числу поданных за них голосов и числу мест в рейхстаге.

Эти внутривнутриполитические процессы в ведущих странах мира и внешнеполитические заявления их лидеров свидетельствовали о том, что мир стоит на пороге новой, еще более разрушительной войны, которая не обойдет СССР стороной. Со времен Крымской войны 1853–1856 годов Россия имела возможность убедиться в готовности ведущих стран мира сплотиться против нее, выступая под знаменем борьбы против «русского деспотизма». Ведущие западноевропейские страны, которых Россия не раз спасала от внешней агрессии или внутренних мятежей, неизменно изъявляли готовность нанести удар в спину в «благодарность» за русскую помощь. Моральная поддержка мировыми державами японской агрессии 1904 года, их нежелание помогать России в годы Первой мировой войны, когда русские солдаты массами гибли на фронтах, лишенные оружия, стремление этих стран воспользоваться Гражданской войной в России для ее разграбления и ослабления, – все это оставило неизгладимый след в сознании политически активных людей России. Свержение монархии ничего не изменило в отношении к нашей стране ведущих стран мира, которые переадресовали советскому революционному строю извечные обвинения в деспотизме, угрожающем всему миру. Как и прежде, этот лозунг служил удобным прикрытием для призыва к крестовому походу против нашей страны.

Между тем обострение международной обстановки в 1927 году обнажило неподготовленность СССР к войне. По числу танков СССР (менее 200 вместе с броневиками) отставал не только от передовых стран Запада, но и от Польши. В Красной Армии имелось менее тысячи самолетов устаревших конструкций и лишь 7 тысяч орудий разных калибров, что в 1927 году было совершенно недостаточно для обороны одной шестой части земной поверхности от нападения зарубежных армий, в которых быстро наращивались запасы военной техники. В своем выступлении на XV съезде партии в декабре 1927 года нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов сообщал, что Красной Армии до сих пор приходится использовать «в каче-

стве тягловой силы... недостаточный и недоброкачественный конский состав и наших отечественных быков. Тракторостроение у нас почти отсутствует... Автомобилей мы не строим и поэтому думаем, что шоссейное строительство не волк, в лес не уйдет, может подождать».

Однако состояние оборонной и тяжелой промышленности не позволяло надеяться на быстрое создание мощного арсенала современных вооружений. Ворошилов говорил делегатам съезда об «архаических пережитках» «времен Ивана Калиты» на предприятиях оборонного производства. «Когда их видишь, берет оторопь», – говорил нарком. Он сообщал: «70,5 % чугуна, 81 % стали, 76 % проката по сравнению с довоенным уровнем – это, конечно, недостаточно для нужд широко развивающегося хозяйства и обороны... Алюминия, этого необходимого металла для военного дела, мы у себя совсем не производим... Цинка и свинца, весьма ценных и необходимых металлов для военного дела, мы ввозим из-за границы в 7 раз больше, чем производим у себя в стране. Даже меди, которой у нас бесконечное множество в недрах, мы ввозим 50 % по сравнению с тем, что производим в стране».

Сталинский курс на ускоренную индустриализацию внушал патриотам страны надежду, что СССР сможет выстоять в случае нападения извне, не дожидаясь маловероятной революции в других странах. Поэтому рассуждения вождей оппозиции о необходимости прежде всего помогать революционным силам за пределами страны, вызывали сомнения, раздражение, а то и опасения.

К тому же те, кто обвинял Сталина за «национальную ограниченность», порой не скрывали своего презрения к России и ее национальным традициям. Особенно этим отличался Троцкий. Противопоставляя России Западную Европу, Троцкий в своей статье, написанной им в Вене еще до Октябрьской революции для газеты «Киевская мысль», писал: «В цехах, гильдиях, муниципалитетах, университетах с их собраниями, избраниями, процессиями, празднествами, диспутами сложились драгоценные навыки к самоуправлению, и там выросла человеческая личность – конечно, буржуазная, но личность, а не морда, на которой любой будочник мог горох молотить... Какое жалкое наше дворянство! Где его замки? Где его турниры? Любовь рыцарская? Тысячу лет жили в низеньком бревенчатом здании, где щели мхом законопачены, – ко двору ли тут мечтать о стрельчатых арках и готических вышках?»

Троцкий не был оригинален. Мысль про бревенчатые здания он взял у П.Я. Чаадаева («Весь мир перестраивался заново, у нас же ничего не создавалось: мы по-прежнему ютились в своих лачугах из бревнышек и соломы»). Другие выпады Троцкого в адрес России повторяли высказывания провинциальной дворянской молодежи, которые высмеял М.Е. Салтыков-Щедрин в рассказах «Помпадур и помпадурши» («Мы еще не достигли гражданской зрелости... Наши дела очень и очень плохи...») Дворянская молодежь осуждала тех представителей своего класса, которые норовили позорить «своего соседа» и принуждать «для потехи свихивать на сторону рыло»... Они сокрушались: «Везде была феодальная система – у нас ее не было; везде были преux chevaliers (благородные рыцари) – у нас их не было; везде были крестовые походы – у нас их не было; везде были какие-нибудь хартии – у нас никаких не было».)

О том, что эти взгляды Троцкого были устойчивыми, свидетельствуют его строки из книги, написанной уже в 1930-х годах: «Скудность не только русского феодализма, но и всей истории наиболее удручающее свое выражение находила в отсутствии настоящих средневековых городов, как ремесленно-торговых центров». Троцкий утверждал, что Россия смогла создать «лишь поверхностные подражания более высоких западных образцов», а русская культура дала миру лишь «такие варварские понятия, как «царь», «погром» и «кнут».

Неприязнь к русской культуре пропагандировал и Бухарин. Если Троцкий не скрывал свою ненависть к «дворянской культуре» России, то Бухарин разжигал ненависть к «крестьянской культуре». В своих «Злых замечках» Бухарин так высказывался по поводу творчества Сергея Есенина: «Реакционные собственнические, религиозные, националистические и хули-

ганские элементы поэзии Есенина закономерно стали идеологическим знаменем кулацкой контрреволюции, сопротивляющейся социалистической реконструкции деревни».

Объявляя себя решительным борцом против «великодержавного шовинизма», Бухарин на XII съезде партии сказал: «Мы в качестве бывшей великодержавной нации... должны поставить себя в неравное положение... Только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить доверие прежде угнетенных наций». На этом основании Бухарин предлагал снять из резолюции съезда пункт, в котором осуждался местный шовинизм.

Возражая ему, Сталин говорил: «Дело в том, что Бухарин не понял сути национального вопроса... Говорят нам, что нельзя обижать националов. Это совершенно правильно, я согласен с этим, – не надо их обижать. Но создавать из этого новую теорию о том, что надо поставить великорусский пролетариат в положение неравноправного в отношении бывших угнетенных наций, – это значит сказать несообразность».

Сталин давал отпор любым попыткам перечеркнуть русскую самобытность и опорочить прошлое России. Об этом свидетельствовало его личное письмо к поэту Демьяну Бедному от 12 декабря 1930 года. В нем он писал: «Весь мир признает теперь, что центр революционного движения переместился из Западной Европы в Россию... Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу, и прежде всего русскому рабочему классу, авангарду советских рабочих, как признанному своему вождю... А Вы? Вместо того, чтобы осмыслить этот величайший в истории революции процесс и подняться на высоту задач певца передового пролетариата, ушли куда-то в лошину и, запутавшись между скучнейшими цитатами из сочинений Карамзина и не менее скучными изречениями из “Домостроя”, стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения... что “лень” и стремление “сидеть на печке” является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит и – русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими».

В дальнейшем меры по преодолению экономического и научно-технического отставания нашей страны, предпринятые ее руководством во главе с И.В. Сталиным (ускоренное преобразование хозяйства, создание оборонной промышленности и вооруженных сил, отвечающих современным требованиям, культурная революция в стране, конституционная реформа и другие преобразования), сопровождались изменением отношения в обществе к дореволюционной истории. С нигилистическим отрицанием ценности дореволюционного прошлого России, которое проповедовали лидеры оппозиции, было покончено.

Эта позиция Сталина становилась понятной широкому кругу советских людей. Поэтому патриоты нашей страны, вне зависимости от своего классового происхождения, социального положения и политических взглядов, видели в нем руководителя, способного защитить страну от тех, кому она не была дорога. Они видели в Сталине руководителя, способного противостоять внешним врагам страны и сорвать планы их похода против нее.

Глава 4. Главное идейное оружие Сталина

Отдавая должное заслугам Сталина в деле создания могучего советского государства, некоторые люди, игнорируя историческую правду и конкретные обстоятельства прошлого, уверяют, будто в своей политике Сталин порвал с марксизмом-ленинизмом. В этом они невольно солидаризируются с противниками Сталина, которые обвиняли его в отказе от марксизма. Еще на обсуждении на заседании Президиума ЦК КПСС 31 декабря 1955 года вопроса о том, стоит ли на XX съезде устраивать дискуссию о Сталине, Хрущев, судя по протоколу заседания, говорил о нем: «Не марксист он». Впоследствии Сталина стали обвинять в измене марксизму.

На самом деле Сталин не стал бы руководителем марксистской партии, если бы не имел репутацию одного из выдающихся марксистов. Еще в своей ранней работе «Анархизм или социализм?» Сталин писал о невозможности рабочего движения добиться побед без теории научного коммунизма. «Что такое рабочее движение без социализма?» – задавал Сталин риторический вопрос, отвечая на него так: «Корабль без компаса, который и так пристанет к другому берегу, но, будь, у него компас, он достиг бы берега гораздо скорее и встретил бы меньше опасностей».

Образ, использованный Сталиным, точно объясняет, как он понимал теорию научного коммунизма. Сталин не написал о том, что теория – это раз и навсегда сверстанная карта с точным указанием вех и расстояний во времени и пространстве. Хотя цель движения – неизменна, партия может менять свой курс, учитывая состояние общества, подобно тому, как стрелка компаса изменяет свое направление в зависимости от нахождения корабля в переменчивой морской и воздушной стихии. Главным методом познания мира для Сталина стал диалектический материализм. Объясняя суть этого метода познания действительности в своей работе «О диалектическом и историческом материализме», Сталин подчеркивал, что «диалектика рассматривает природу... как связанное, единое целое... как состояние непрерывного движения и изменения, непрерывного обновления и развития... как такое развитие, которое переходит от незначительных и скрытых количественных изменений к изменениям открытым, к изменениям коренным, к изменениям качественным».

Еще в юные годы, вступив в ряды социал-демократической подпольной организации, Сталин осознал огромные возможности марксистской теории. Противники марксизма объясняли и продолжают объяснять его популярность лишь воздействием на массовое сознание обольстительных посулов скорого построения общества справедливости и всеобщего изобилия. Пользуясь незнанием людей, они игнорируют то обстоятельство, что задолго до появления марксизма-ленинизма в мире существовало множество проповедников утопического социализма, популярность которых была велика, но они никогда не могли создать сколько-нибудь значимых массовых движений, которые взяли бы на вооружение эти идеи. Хотя только в конце XIX века и только в США были опубликованы сотни книг с утопическими программами и в этой стране создавалось немало коммун, организованных по принципам утопического социализма, влияние этих произведений и существование этих общин были недолговечными.

В отличие от утопических идей, предлагавших сочиненные чисто умозрительно модели общественного строя справедливости и человеческого счастья, марксизм возник на основе научного и объективного анализа общественного развития. Качественное превосходство метода диалектического материализма над иными методами познания действительности, в том числе в общественных исследованиях, позволило Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу совершить целый ряд выдающихся открытий. Даже некоторые представители буржуазии ныне признают огромный вклад Маркса в исследование экономики капитализма и его приоритет в открытии цикличности капиталистических кризисов, а потому его труд «Капитал» стал снова востребованным по мере углубления современного экономического кризиса.

Однако защитники капиталистического строя стараются замалчивать или отрицать ценность других научных достижений Маркса и Энгельса, прежде всего совершенный ими переворот в восприятии человеческой истории. Изучив движущие силы исторического процесса, их динамику, перерастание количественных изменений на каждом этапе исторического развития в качественно новый этап, Маркс и Энгельс смогли прогнозировать дальнейший ход человеческого развития, превратили историю из собрания рассказов о прошлом в науку. Карл Маркс и Фридрих Энгельс писали: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории».

Открытия марксизмом исторической обусловленности общественного строя и его смены, значения способа производства и классовой борьбы в развитии общества означали опровержение буржуазного взгляда на историю, в соответствии с которым торжество капиталистических отношений знаменовало завершение варварского состояния человечества и переход к безостановочной просвещенной стадии развития. С точки зрения марксизма каждый общественный строй и каждая смена строя были следствиями поэтапного развития человечества, обусловленные постоянным развитием производственных отношений. Открытие нового взгляда на прошлое позволило Марксу и Энгельсу делать принципиально новые прогнозы на будущее. На основе выработанных ими представлений об историческом развитии они разработали теорию пролетарской революции и перехода к новым этапам общественного развития – социалистическому и коммунистическому.

Хотя впоследствии критики Маркса и Энгельса указывали на то, что многие из их прогнозов не сбылись, на самом деле основоположники теории научного коммунизма никогда не пытались точно определить сроки и место будущих социалистических революций, а лишь порой высказывали предположения на сей счет. Ссылаясь на то, что различные высказывания Маркса и Энгельса не оправдались, их противники утверждают, что их учение было ошибочным.

В то же время многие поклонники марксизма видели в любых высказываниях Маркса и Энгельса, включая их предположительные прогнозы, пророчества, которые должны непременно сбыться. Сами основоположники марксизма отметали попытки представить их сочинения как сборник предсказаний и четко определяли их реальный вклад в развитие общественной науки. В своем письме к видному деятелю международного рабочего движения Иосифу Вейдемееру Карл Маркс так объяснял суть открытий, совершенных им и Энгельсом в исследовании истории: «1) существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3)... эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всех классов и к обществу без классов».

Научная обоснованность выводов марксизма привлекала множество сторонников этого учения. Вывод о решающей роли пролетариата привел к тому, что марксисты активно распространяли свою теорию в рядах рабочего класса. Этот вывод был подтвержден растущей популярностью идей борьбы за социальные преобразования и победу социализма среди рабочих различных стран.

Основоположники марксизма стали организаторами сравнительно малочисленного «Союза коммунистов» в 1847 году. А уже в 1864 году под их руководством было создано Международное Товарищество Рабочих (I Интернационал), объединившее пролетарские партии нескольких европейских стран. В 1866 году Карл Маркс подготовил «Инструкцию делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам», которая была в основном принята на Женевском конгрессе Интернационала. В нем была намечена программа борьбы рабочего класса на несколько десятилетий вперед: за 8-часовой рабочий день, ограничение труда детей и женщин, за развитие трудового политехнического образования, за развитие рабочих кооперативов. В инструкции была предложена схема обследования условий труда и жизни рабочих.

Интернационал и входившие в него организации развертывали активную борьбу за повышение заработной платы, улучшение условий труда, решение наиболее наболевших жизненных проблем рабочих. В многотомной монографии «Международное рабочее движение», изданной в конце 1870-х – начале 1880-х годов, отмечалось: «В обстановке нарастающего революционного кризиса сама стачечная борьба европейских рабочих проделала за 5–6 лет эволюцию от разрозненных, случайных забастовок к классовым боям, в которых сотням рабочих, сплотившихся под знаменем Интернационала, противостояла вся власть капитала, опиравшаяся на вооруженную силу буржуазного государства. Стремительный рост классовой солидарности, характеризующий экономическую борьбу пролетариата в эти годы, останется непонятным, если не учесть могучего организаторского воздействия, которое оказывали на массы в каждой стране и их боевой штаб, – Генеральный Совет Интернационала в Лондоне».

Следствием этой борьбы стали: отмена в ряде стран законов, запрещающих рабочие организации, сокращение рабочего дня, повышение заработной платы рабочих в ряде отраслей производства, облегчение условий труда и жизни трудящихся. Таким образом, теория, созданная Марксом и Энгельсом на основе диалектического анализа истории, стала служить эффективным орудием борьбы за улучшение жизни миллионов людей и доказала свою гуманистическую направленность.

Влияние партий, объявивших марксизм своей идеологией, росло. В 1914 году в социал-демократических партиях мира состояло более 4,2 миллиона человек. В 14 странах мира за социалистов проголосовало 10,5 миллиона человек. Социалисты имели 646 мест в парламентах 14 стран и свыше 22 тысяч мандатов в местных представительных органах. Эти партии увязывали задачи улучшения положения рабочего класса в условиях капиталистического общества с осуществлением главной цели – достижения победы социализма.

В резолюции 7-го Штутгартского конгресса II Интернационала социалистических партий (1907) говорилось: «В случае возникновения войны социалисты обязаны приложить все усилия к тому, чтобы ее как можно скорее прекратить и всеми силами стремиться использовать вызванный войной экономический и политический кризис для того, чтобы пробудить политическое сознание народных масс и ускорить крушение господства класса капиталистов». Бурные события летом 1914 года в Италии и других европейских странах свидетельствовали о том, что миллионы людей были готовы совершить социалистическую революцию.

Лишь измена вождей II Интернационала принципам пролетарской солидарности сорвала революции в Европе и помогла правящим кругам империалистических стран развязать Первую мировую войну.

Впоследствии появилось немало бредовых конспирологических сочинений, в которых предлагались фантастические объяснения успехов идей марксизма. На самом деле единственное оружие, с помощью которого идеи Маркса и Энгельса добились такого успеха, была их научная теория, основанная на использовании метода диалектического материализма.

Поверив в правильность марксистской теории, Сталин старался как можно глубже изучать ее и пропагандировать. Вступив в ряды революционного социал-демократического движения в 1898 году, Сталин вскоре увидел в Ленине того, кто наиболее глубоко воспринял марксизм и безоговорочно примкнул к большевикам-ленинцам после создания их фракции в 1903 году.

Применяя диалектический метод для изучения развития капитализма и общественных движений в России, В.И. Ленин выдвинул на основе своих теоретических исследований практическую программу по созданию большевистской партии. В дальнейшем глубокий исторический анализ развития глобальных процессов позволил Ленину открыть переход капитализма в новую стадию развития и начало эпохи империалистических войн и пролетарских революций. Эти теоретические открытия позволили Ленину сделать практический вывод о возможности

начала первой пролетарской революции в России, что долгое время представлялось невыносимым даже социалистам всего мира.

К началу 1917 года в рядах большевистской партии находилось не более 24 тысяч членов. Подавляющее большинство из них, находясь на подпольной работе в России, научились применять марксистскую теорию в практике российского рабочего движения. Для того чтобы объяснить невероятный успех большевиков, которые за 9 месяцев сумели превратить малочисленную партию в главную силу революционного развития страны, буржуазия ныне прибегает к конспирологическим объяснениям. Враги коммунизма скрывают, что почти каждый большевик имел мощное идейное оружие – многолетнее изучение им трудов основоположников марксизма и работ Ленина в подпольных кружках, которые существовали порой даже в ссылках и тюрьмах.

Одним из таких большевиков-ленинцев был Сталин. Помимо тщательного изучения марксистской теории, он приобрел немалый опыт применения этой теории в практике. В отличие от своих будущих оппонентов в Политбюро, которые провели большую часть дореволюционного времени в заграничной эмиграции, Сталин постоянно работал в России в условиях царского подполья, лишь иногда выезжая за рубеж, главным образом для участия в съездах партии.

Сталин был убежден в том, что марксистская теория не должна была оставаться вещью в себе. В своей работе «Коротко о партийных разногласиях» он так определял место теоретических знаний в общественных процессах: «Что такое научный социализм без рабочего движения? – Компас, который, будучи оставлен без применения, может лишь заржаветь, и тогда пришлось бы его выбросить за борт». Лишь в соединении стихийного протеста с теорией он видел возможность создания упорядоченного и целеустремленного движения: «Соедините то и другое вместе, и вы получите прекрасный корабль, который прямо понесется к другому берегу и невредимым достигнет пристани. Соедините рабочее движение с социализмом, и вы получите социал-демократическое движение, которое прямым путем устремится к “обетованной земле”».

Постоянно применяя марксистский анализ к опыту рабочего движения, выделяя отдельные стадии его развития, сравнивая их по наиболее существенным признакам и обращая внимание на происходившие качественные изменения в классовой борьбе, Сталин, как и другие большевики, учился прогнозировать будущее развитие революционного процесса в России и намечать будущие действия даже местных организаций партии. Так, в своей работе «Надо бойкотировать совещание!», написанной в 1907 году в бакинском подполье, Сталин обосновывал свои политические предложения на основе краткого анализа «истории экономической борьбы бакинских рабочих», выделив «два периода» этой борьбы.

Вновь обратившись к истории борьбы бакинского пролетариата в статье «Совещание и рабочие» (июль 1908 г.), Сталин утверждал, что с 1907 года «открывается новая полоса в бакинском рабочем движении». Он писал: «Целесообразной формой отступления, соответствующей моменту, должна быть признана лишь забастовка по фирмам». В конце 1908 года Сталин указал, что прежние условия, которые позволяли лишь организацию «забастовок по фирмам», изменились и надо переходить к организации «общей забастовки». В статье «О декабрьской забастовке и декабрьском договоре», написанной в декабре 1909 года, Сталин обратился к событиям в рабочем движении в Баку пятилетней давности для того, чтобы извлечь из них исторические уроки для текущей борьбы бакинского пролетариата.

Можно сравнить прогностическую способность марксиста-ленинца Сталина и венценосного властителя России, имевшего в своем распоряжении все источники информации царского режима. 8 января 1905 года Николай II записал в своем дневнике: «Ясный морозный день. Было много дела и докладов. Завтракал Фредерикс. (Министр царского двора. – *Примеч. авт.*) Долго гулял. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрест-

ностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120 000 ч. Во главе рабочего союза какой-то священник – социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах». Из этих слов ясно, что, хотя забастовки в Петербурге вызывали у царя известное беспокойство, за несколько часов до Кровавого воскресенья он и не подозревал о революционных настроениях рабочих России.

Вряд ли самодержец знал, что в этот же день, 8 января 1905 года, нелегальная Авлабарская типография опубликовала прокламацию, в которой говорилось: «Возмущённые народные массы готовятся к революции, а не к примирению с царём... Русская революция неизбежна. Она так же неизбежна, как неизбежен восход солнца. Можете ли вы остановить восходящее солнце?» Эту прокламацию написал Иосиф Джугашвили за пару дней до начала первой русской революции.

Ныне, переименовав Октябрьскую революцию в переворот, кое-кто объявил это событие следствием заговора. Повторяя разоблаченные еще в 1917 году обвинения в адрес Ленина, авторы невежественных телефильмов, журнальных статей и книжек стараются убедить зрителей и читателей в том, что Октябрьская революция в России была делом рук авантюриста Парвуса и германской разведки, стремившейся вывести Россию из Первой мировой войны. Они игнорируют то обстоятельство, что победители в Февральской революции не сумели адекватно оценить происходившие тогда события. Они произносили пламенные речи о «святой Революции», но не могли предложить никакой действенной программы решения острейших проблем страны и были готовы лишь к продолжению бесконечных прений на заседаниях Учредительного собрания. Не могли предложить позитивных решений для страны и сторонники подавления революции с помощью грубой силы. По сути, все они оказались политическими банкротами.

Лишь применение марксистского метода анализа революционных событий после начала Февральской революции 1917 года помогало большевикам во главе с Лениным верно прогнозировать их дальнейшее развитие и соответственным образом определять свои действия. Являясь наиболее преследуемой при царизме и потому не самой многочисленной в феврале 1917 года, большевистская партия сумела выдвинуть наиболее реалистическую и дальновидную программу действий. Разработав на основе марксистского анализа общественные процессы, совершавшиеся в мире и в России, Ленин уже в начале апреля 1917 года выступил против борьбы за парламентскую республику. Целью революции должна была стать, по мысли Ленина, «республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху». Он предложил новый лозунг политической борьбы – «Вся власть Советам!». По мысли Ленина, рабоче-крестьянская власть должна была осуществить национализацию всего земельного фонда страны, конфискацию помещичьих земель и передачу земли в распоряжение Советов батрацких и крестьянских депутатов, объединить все банки в общегосударственный банк, поставив его под контроль Советов рабочих депутатов, установить рабочий контроль над производством и распределением продуктов.

Как это часто случается в истории, новое научное открытие Ленина было подвергнуто насмешкам самоуверенных невежд, ориентировавшихся на готовые примеры былых революций. Даже бывший вождь российской социал-демократии Плеханов объявил, что Ленин сошел с ума. Лишь в большевистской партии идеи Ленина получили поддержку. В ходе последовавших событий 1917 года большевики во главе с Лениным постоянно обращали внимание на главные движущие силы революционного процесса, выделяя его отдельные этапы и быстрые смены одного периода революции другим.

Объясняя политику партии в ходе бурных событий 3–4 июля 1917 года на экстренной конференции Петроградской организации РСДРП (большевиков), Сталин ссылаясь на исторический опыт партии. Он говорил: «Напомню вам аналогичные случаи из истории нашего рабочего движения. 9 января 1905 г., когда Гапон вёл массы к царю, партия не отказалась идти

с массой, хотя знала, что идут чёрт знает куда. Теперь, когда движение шло не под лозунгами Гапона, а под нашими лозунгами, мы тем более не могли уйти от движения. Мы должны были вмешаться, как регулятор, как партия сдерживающая, чтобы охранить движение от возможных осложнений».

В этом выступлении Сталин показывал динамику революционного процесса 1917 года, обращая внимание на быстро сменявшие друг друга периоды. Говоря о свержении самодержавия, Сталин заявлял: «В результате первого кризиса власть помещичья уступила место власти буржуазии, поддержанной Советами, представляющими интересы пролетариата и мелкой буржуазии». Давая оценку итогам апрельских событий 1917 года, Сталин сказал: «Второй кризис разрешился в пользу Советов, путём вступления в буржуазное правительство социалистов от Советов. При третьем июльском кризисе, – подчеркивал Сталин, – солдаты и рабочие открыто поставили вопрос о взятии власти трудящимися – мелкобуржуазной и пролетарской демократией, с устранением из правительства всех капиталистических элементов».

Руководя проведением в подполье VI съезда большевистской партии, Сталин на основе анализа истории развития революции в России сделал оправдавшийся прогноз: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму». Отвечая на возражения будущего троцкиста Е. Преображенского, Сталин сказал: «Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего».

В течение 1917 года Ленин внимательно изучал динамику революционного процесса, определяя его дальнейший ход и действия большевистской партии. Одновременно Ленин не раз обращал внимание на ошибки, допущенные партией в ходе этих бурных месяцев. В сентябре 1917 года Ленин пришел к выводу о возможности решительных действий по мере нарастания революционной ситуации. В своем письме Центральному комитету партии «Марксизм и восстание» от 13–14 сентября Ленин обращался к принципиальным марксистским положениям о восстании. Чтобы доказать их актуальность для текущего момента в России, Ленин предлагал «употребить метод сравнения и сопоставить 3–4 июля с сентябрьскими днями». Ленин убедительно доказывал, что ситуация за пару месяцев резко изменилась: «Не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции. Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц. Теперь оно есть в обоих Советах, оно создано *только* историей июля и августа, опытом расправы с большевиками и опытом корниловщины».

Верная ориентация в историческом времени позволила Ленину точно выбрать 25 октября 1917 года для решительного выступления против Временного правительства. В своем письме членам ЦК, написанном «вечером 24-го», он требовал: «Нельзя ждать!! Можно потерять всё!..

Ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и его компании до 25-го... Промедление в выступлении смерти подобно». В этом письме Ленин обращался к истории прошлого и смотрел на текущие события из будущего, когда они станут историей. Он писал: «Это доказала история всех революций... История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все».

Победа Октябрьской революции не была куплена германскими деньгами, а стала следствием многих решений, разработанных Лениным и воплощенных в действие членами партии. Эти решения опирались на опыт мирового революционного движения и в то же время отражали анализ событий 1917 года.

После победы Октябрьской революции социально-политические процессы в Советской России постоянно подвергались историческому анализу Ленина. Переход от мирной жизни к началу Гражданской войны, изменения в отношениях с крестьянством на каждом этапе этой войны, победа в войне и возвращение к мирному строительству сопровождалась указаниями на изменения в исторических условиях и необходимость очередной смены политической тактики. В 1925 году Сталин подчеркивал неоднократные смены Лениным политических лозунгов

в отношении крестьянства в зависимости от смен исторического периода: «Один – во время буржуазной революции, другой – во время Октябрьской революции и третий – после укрепления советской власти. Кто думает эти три лозунга заменить каким-нибудь одним общим, тот допускает грубейшую ошибку».

На основе ленинского анализа перемен в положении страны был разработан переход к новой экономической политике, был создан первый в мировой истории план развития страны – ГОЭЛРО.

Порой сомневаясь в правоте некоторых предложений Ленина, Сталин всецело поддерживал его обоснованные прогнозы и активно участвовал в осуществлении ленинского курса на социалистическую революцию. При исполнении новых государственных обязанностей и в ходе руководства рядом военных операций в годы Гражданской войны Сталин постоянно полагался на марксистский анализ происходивших событий, рассматривая их как процесс развития с последовательно сменявшимися периодами в зависимости от перемен в расстановке движущих сил.

Сразу после завершения Гражданской войны Сталин подверг историческому анализу ее ход. Выступая с докладом на торжественном заседании Бакинского Совета 6 ноября 1920 года по случаю третьей годовщины Октябрьской революции, Сталин выделил три периода Гражданской войны в зависимости от расстановки сил на международной арене. «Первый период, – по словам Сталина, – начался со дня установления Советской власти в России и продолжался до разгрома германского империализма. В этот период империалисты Запада, обе коалиции – английская и германская, вцепившись друг в друга, не замечали советской России, им было, так сказать, не до неё. Второй период – период от разгрома германского империализма и начала германской революции до момента широкого наступления Деникина на Россию, когда он стоял у ворот Тулы. Этот период отличается с точки зрения международного положения России тем, что Антанта – англо-французская коалиция, – разгромив Германию, направила все свои свободные силы против Советской России. Это тот период, когда нам угрожали – оказавшимся впоследствии мифическим – союзом 14 государств. Третий период – это тот, который мы теперь переживаем, когда нас не только замечают, как социалистическую державу, не только признают фактически, но и побаиваются».

Сталин не ограничился историческим анализом Гражданской войны, но и постарался осмыслить ее уроки для дальнейшей политической деятельности Коммунистической партии. В своей статье «К вопросу о стратегии и тактике» Сталин сравнивал выбор РСДРП политического курса в первые годы своего существования с выбором направления главного удара по войскам Деникина. Он иллюстрировал положение о тактическом успехе в политике напоминанием о том, как «успехи нашей кавалерии под Воронежем и пехоты под Орлом создали обстановку, благоприятную для удара под Ростовым». Он доказывал гибельность для кампании тактического успеха, если он не соответствует стратегическим возможностям, указав на увлечение Деникиным прорывом к Москве осенью 1919 года и попытку Красной Армии решить «непосильную задачу прорыва в Европу через Варшаву».

Останавливаясь же на «формах организации», Сталин замечал: «Задача военного искусства состоит в том, чтобы обеспечить за собой все роды войск, довести их до совершенства и умело сочетать их действия. То же самое можно сказать о формах организации в политической области. Здесь, так же как и в военной области, формы организации приспосабливаются к формам борьбы». Говоря о значении лозунга и директив, Сталин писал: «Удачно сформулированные решения, отражающие цели войны или отдельного сражения, популярные в войсках, имеют иногда решающее значение на фронте, как средство вдохновить армию к действию, поддержать дух и пр. Соответствующие приказы, лозунги или воззвания к войскам имеют для всего хода войны столь же важное значение, как первоклассная тяжелая артиллерия или первоклассные быстроходные танки. Еще большее значение имеют лозунги в политической обла-

сти, где приходится иметь дело с десятками и сотнями миллионов населения с их разнообразными требованиями и потребностями».

На основе опыта Гражданской войны Сталин сумел выработать ряд положений о политической стратегии и тактике, которые затем вошли в его работу «Об основах ленинизма»: сосредоточение главных сил в решающий момент на наиболее уязвимом для противника пункте; выбор момента решающего удара; неуклонное проведение уже принятого курса через все и всякие затруднения; маневрирование резервами, «рассчитанное на правильное отступление, когда враг силен, когда отступление неизбежно»; выдвижение на первый план тех именно форм борьбы и организации, которые более всего соответствуют конкретной обстановке; «нахождение в каждый данный момент того особого звена в цепи процессов, ухватившись за которое можно будет удержать всю цепь и подготовить условия для достижения стратегического успеха».

В отличие от Сталина его оппоненты плохо знали российскую действительность и рабочее движение России, так как значительную часть предреволюционных лет провели за рубежом. Они лишь пытались подогнать события в России под примеры прежних революций в Европе. При этом они игнорировали то обстоятельство, что те революции были буржуазными, а Октябрьская была первой в мире антибуржуазной, социалистической революцией. Так, в своем выступлении 1 августа 1927 года на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Троцкий, говоря о современных событиях в СССР, прибег к аналогиям с событиями «Великой французской революции». Обвиняя Сталина и других руководителей партии в «перерождении», Троцкий назвал их «термидорианцами» и сказал: «французские якобинцы – тогдашние большевики». По сути, Троцкий видел в Октябрьской революции повторение французской буржуазной революции.

К тому же буржуазные политические партии и их лидеры постоянно служили Троцкому образцами, которые он навязывал Коммунистической партии. В том же 1927 году Троцкий расхваливал действия премьера буржуазной Франции Ж. Клемансо в годы Первой мировой войны и видел в них пример для подражания.

Искаженные представления о прошлом страны не позволяли Троцкому верно ориентироваться в настоящем и будущем. Механистически перенося события буржуазной революции во Франции на Россию, Троцкий в своей последней крупной книге «Преданная революция», написанной в 1936 году, обещал «бонапартистскую контрреволюцию» вследствие поражений Красной Армии в ходе неминуемой войны с капиталистическими странами. Не исключал Троцкий и восстания советской молодежи против «сталинского режима». Все эти прогнозы Троцкого оказались несостоятельными. Порочная ориентация Троцкого в прошлом порождала грубые ошибки в оценке будущего.

В то же время, не умея и не желая применять марксистский метод к рассмотрению российской действительности, вожди оппозиции сбивались на немарксистские утопические схемы, которые не были основаны на научном анализе. Так весной 1920 года Троцкий не исключал «возможности, что мы перейдем к более или менее разитому социалистическому хозяйству в течение 3–4–5 лет». Он рассуждал о том времени, когда «колеса промышленности и сельского хозяйства будут вертеться, повинаясь электрической кнопке в руках ЦК нашей партии», и превращении всего сельского хозяйства «в одну пшеничную ферму, руководимую одним центром».

Ему вторил Бухарин, который в своем докладе о работе Коминтерна, неожиданно сбивался на фантазии об аэропланах, которые «управляются из любого кабинета». Вожди оппозиции исходили из того, что эти фантастические задачи могут быть решены благодаря скорой мировой революции или хотя бы после революции в Германии. Считалось, что после революции германская промышленность, германские инженеры, техники и квалифицированные рабочие помогут превратить Россию в передовую страну мира.

Следует заметить, что в 1917 году многие члены партии, включая Ленина, считали, что революционные выступления пролетариата в Европе – дело ближайших дней. Однако уже в разгар полемики по Брестскому договору в марте 1918 года Ленин в своем выступлении на VII съезде партии так отвечал Бухарину: «Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка – я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки. Но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам?»

О том, что Бухарин продолжал верить в эти сказки, свидетельствует его внеочередное выступление на IX съезде (1920), в котором он, ссылаясь на сообщение по радио, объявил о победе революции в Германии. После этого выступления съезд направил приветственную телеграмму «германскому пролетариату», поздравляя его с революцией. Через некоторое время выяснилось, что радиосообщение было ошибочным.

Хотя Бухарин, в отличие от Троцкого, Зиновьева и Каменева, говорил о строительстве социализма в России, он не верил в возможность его построения без помощи извне. Как Троцкий, Зиновьев, Каменев и другие, Бухарин провел большую часть предреволюционных лет за границей и был тесно связан с международным революционным движением. Под влиянием этого своего жизненного опыта, а также вследствие того, что, по словам Ленина, «он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики», Бухарин недооценивал возможности народов СССР и ждал мировой революции. В своем выступлении в январе 1928 года Бухарин провозглашал: «Мы ясно видим, какие громадные всемирно-исторические перспективы раскрываются перед нами. Земля дрожит уже отдаленными гулами великих революций, которые превзойдут по своему размаху даже то, что мы пережили и перечувствовали». Пока же, считал Бухарин, «мы медленной дорогой пойдем себе помаленечку вперед, таща за собой крестьянскую телегу». Поэтому движение страны вперед должно было занять долгие годы.

Бухарин был не одинок в своих грезах о скорой мировой революции. В нее верили многие и даже удивлялись, почему она задержалась. Отражая эти настроения, «Правда» в 1919 году опубликовала очередное ошибочное сообщение о революции в Швейцарии под заголовком «Давно пора!».

Даже Ленин вскоре поверил в возможность революции в Европе по мере продвижения Красной Армии в Польшу летом 1920 года. 23 июля 1920 года Ленин телеграфировал Сталину на фронт: «Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, также Чехию и Румынию».

Однако поражение Красной Армии в Польше в августе 1920 года, а также поражения революций в 1919 году в Венгрии, Баварии, Словакии показали, что время мировой революции еще не настало. Констатируя реальное положение на международной арене, в своем выступлении в начале 1921 года на X съезде РКП(б) Л.Б. Каменев говорил: «Наши предположения о быстрой помощи, которая могла бы прийти к нам из Западной Европы в виде мировой революции, по крайней мере, в одной или двух капиталистических странах, не осуществляются с той быстротой, которая была бы желательна и которая чрезвычайно быстро облегчила бы нашу задачу». Было очевидно, что желание мировой революции оставалось для советских руководителей неисполнимой мечтой.

Мечта о мировой революции объяснялась страхом многих партийных руководителей перед крестьянством России. В своем предисловии, написанном в 1922 году к книге «1905 год», Троцкий, доказывая неизбежность «перманентной революции», утверждал: «Пролетариат... придёт во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришёл к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского

населения, смогут найти своё разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата». Поэтому они ждали революцию в стране с численным преобладанием пролетариата за пределами СССР.

Острый экономический, социальный и политический кризис в Германии в 1923 году вновь всколыхнул надежды на революцию в этой стране. 23 сентября 1923 года Политбюро приняло тезисы «Грядущая германская революция и задачи РКП» и была даже определена дата этой революции – 9 ноября 1923 года.

Теперь автор этих тезисов Зиновьев, а также Троцкий и другие, считавшие до сих пор Октябрьскую революцию лишь прологом для «чисто пролетарских революций», механически переносили опыт Октября на Германию. Доказывая авантюризм этих предложений, направленных на экспорт социалистической революции в Германию, Сталин в своем письме от 8 августа 1923 года писал Зиновьеву: «Беря власть, мы имели в России такие резервы, как: а) мир, б) земля крестьянам, в) поддержка громадного большинства рабочего класса, г) сочувствие крестьянства. Ничего такого у немецких коммунистов сейчас нет. Конечно, они имеют по соседству советскую страну, чего у нас не было, но что можем мы дать им в данный момент? Если сейчас в Германии власть, так сказать, упадет, а коммунисты подхватят, они провалятся с треском. Это “в лучшем случае”. А в худшем случае – их разобьют вдребезги и отбросят назад». События осени 1923 года, в ходе которых выступления германских коммунистов были подавлены, подтвердили правильность сталинского прогноза.

Поражение германской революции стало поводом для обвинений Троцким советского руководства в нерешительности. В своей работе «Уроки Октября» Троцкий продолжал механически переносить опыт Октябрьской революции в России на Германию, совершенно игнорируя национальные особенности двух стран и специфику исторических условий двух революций.

Иным был ответ Сталина на поражение германской революции. Глубокое изучение реального положения в мире и в СССР на основе метода диалектического материализма позволило Сталину пересмотреть распространенное среди марксистов положение о том, что построение социализма возможно лишь в стране с преобладанием пролетариата среди населения. Вскоре после смерти Ленина, в апреле 1924 года, Сталин выступил в Свердловском университете Москвы с циклом «Об основах ленинизма».

В этих лекциях, которые затем легли в основу главной книги Сталина «Вопросы ленинизма», он попытался объяснить, почему первая социалистическая революция вопреки представлениям марксистов произошла в России. Одновременно он постарался объяснить место ленинизма в научной коммунистической теории.

Прежде всего, Сталин отвергал противопоставление России остальному миру, доказывая, что в эпоху империализма «отдельные страны и отдельные национальные хозяйства перестали быть самодовлеющими единицами, превратились в звенья единой цепи, называемые мировым хозяйством». Он подчеркивал, что «империализм есть всемирная система финансового порабощения и колониального угнетения горстью “передовых” стран гигантского большинства населения Земли».

Если раньше, напоминал Сталин, «рассматривали пролетарскую революцию как результат исключительно внутреннего развития данной страны», то «теперь надо рассматривать пролетарскую революцию, прежде всего, как результат развития противоречий в мировой системе империализма, как результат разрыва цепи мирового империализма в той или иной стране».

Сталин утверждал: «Фронт капитала прорвется там, где цепь империализма слабее, ибо пролетарская революция есть результат разрыва цепи мирового империалистического фронта в наиболее слабом её месте, причём может оказаться, что страна, начавшая революцию, страна, прорвавшая фронт капитала, является менее развитой в капиталистическом отношении, чем другие, более развитые, страны, оставшиеся, однако, в рамках капитализма. В 1917 году цепь

империалистического мирового фронта оказалась слабее в России, чем в других странах. Там она и прорвалась, дав выход пролетарской революции». Так Сталин объяснил то, что ставило в тупик не только троцкистов, но и многих марксистов в мире: почему Россия, отстававшая от других стран Запада по уровню развития, стала родиной первой пролетарской революции, предсказанной Марксом и Энгельсом.

На основе марксистского анализа всемирного общественного развития Сталин делал выводы о том, что Россия «должна была стать узловым пунктом противоречий империализма», а «центр революционного движения должен был переместиться в Россию». Подчеркивая роль Ленина как теоретика Октябрьской революции, Сталин говорил, что ленинизм – это не чисто российское явление, а «марксизм эпохи империализма и пролетарских революций».

Одновременно Сталин указывал на то, что слабость России как звена мирового империализма объяснялась также могуществом антикапиталистических сил в нашей стране. Он писал: «В России развёртывалась величайшая народная революция, во главе которой шёл революционный пролетариат, имевший такого серьёзного союзника, как многомиллионное крестьянство, угнетаемое и эксплуатируемое помещиком». Сталин обращал внимание на то, что «сторонники “перманентной революции” не понимали серьёзной роли крестьянства в русской революции, недооценивали силу и способность русского пролетариата повести за собой крестьянство и затрудняли, таким образом, дело высвобождения крестьянства из-под влияния буржуазии, дело сплочения крестьянства вокруг пролетариата».

На основе положений этой работы Сталин вскоре сделал вывод о возможности построения социализма в «одной, отдельно взятой стране» – в СССР. Это теоретическое положение не было взято с потолка, а стало результатом внимательного и глубокого изучения возможностей Советской страны.

Хотя Ленин писал, что, «сделавшись генсеком», Сталин «сосредоточил в своих руках необъятную власть», на самом деле избранный генеральным секретарем в 1922 году Сталин прежде всего сосредоточил в своих руках небывалую до тех пор информацию о всех сторонах жизни страны. По словам вновь назначенного в аппарат Сталина Л.М. Кагановича, секретари обкомов или губкомов должны были регулярно информировать ЦК партии в закрытых письмах о различных сторонах жизни в своей области или губернии: «важнейшие явления хозяйственной жизни за истекший месяц (состояние урожая, ход продработы, работа основных предприятий, состояние транспорта, развитие кооперации, поступление местных налогов)», «настроение рабочих и различных слоев крестьянства (по возможности сообщать один-два характерных факта)», «о враждебных нам политических партиях (их влиянии в тех или иных слоях населения, методах работы и т. д.)», «состояние работы советского аппарата», «жизнь партийной организации, в том числе о волнующих членов партии вопросах», «наиболее важные решения, рост влияния партии, проведение тех или иных кампаний и т. д.». Особое внимание придавалось сведениям о настроениях «рабочих, крестьянских и красноармейских масс».

Каганович вспоминал, что «ЦК подчеркивал необходимость дифференцированного подхода в отчетах и письмах в зависимости от особенностей губернии, области, национальной республики. В информации должны дифференцированно выступать на первое место наиболее важные вопросы для данной местности: в земледельческих областях более внимательно и полно должны быть освещены вопросы урожая, прод-работы, торговли, настроение крестьянства, работа эсеров, состояние изб-читален; в губерниях, где лежат крупные железнодорожные узлы, внимание секретаря организации и в работе и в информации должно быть сосредоточено на транспорте; в промышленных губерниях нужно сосредоточить внимание на освещении положения на фабриках, настроении рабочих, влиянии меньшевиков и т. д.; в сообщениях из окраин должно быть уделено место вопросам национальных взаимоотношений и т. д.».

Как отмечал Каганович, развернутые указания по отчетности служили руководством для ведения партийной работы. ЦК требовал, чтобы в отчете было отражено: как осуществля-

ется «руководство и связь с нижестоящими организациями», как часто осуществляются объезды членами парткомов нижестоящих организаций, имеются ли инструкторы-организаторы и планы работ для местных организаций, проводятся ли «партдни», как распределены партийные силы и какова потребность в партработниках, как проводятся партийные мобилизации и «внутри-областные переброски» членов партии, как проводятся в жизнь решения местных партийных конференций, а также наркоматов, как снабжаются парторганизации газетами и литературой, каково состояние политшкол, библиотек, читален, клубов, как идет ликвидация неграмотности, издается ли литература для национальных меньшинств, как идет работа среди женщин и молодежи и т. д.

Каганович замечал, что отчеты должны были составляться «не как лаконические, сухие ответы на вопросник, а в форме описательного доклада, в котором выделяются наиболее важные и характерные моменты, где отдельные его части причинно связаны друг с другом, подтверждая общие положения фактами, конкретными данными, даже ссылками на протоколы, избегая общих мест, не подтвержденных фактами и конкретными данными, а также повторений одних и тех же сведений из месяца в месяц». Поскольку подобная информация поступала также от откомандированных на места инструкторов ЦК, то открывалась возможность проверить точность получаемых сведений.

С помощью таких отчетов Сталин получал всестороннюю и полную информацию о положении дел в стране. Однако он не ограничивался сведениями по официальным каналам. Сталин учредил службу так называемых «информаторов», которые должны были секретно сообщать объективные сведения о положении в различных областях жизни Советской страны. Среди информаторов ЦК Л.М. Каганович назвал ряд писателей, а также лиц, впоследствии занявших посты секретарей райкомов партии, ректоров учебных институтов.

Такие отчеты, поступающие к нему каждый месяц, позволяли Сталину увидеть динамику изменения множества факторов общественного развития. На этой основе он мог выделить движущие силы происходящих процессов, определить смену одного этапа развития другим, появление новых тенденций, которые могут стать ведущими на следующем этапе, и на основе этого определить политику страны. Неверию в силы страны и пассивному ожиданию мировой революции Сталин противопоставил выводы, основанные на научном анализе огромной информации о возможностях страны для дальнейшего развития.

Позже, излагая в общих чертах эти выводы, Сталин перечислил факторы, которые необходимы стране для быстрого движения вперед. Он говорил: «Прежде всего требуются достаточные природные богатства в стране, железная руда, уголь, нефть, хлеб, хлопок. Есть ли они у нас? Есть. Есть больше, чем в любой другой стране... У нас имеется в стране всё, кроме разве каучука. Но через год – два и каучук мы будем иметь в своём распоряжении. С этой стороны, со стороны природных богатств, мы обеспечены полностью. Их у нас даже больше, чем нужно».

Далее Сталин подчеркнул, что для этого также необходимо наличие «власти, которая имела бы желание и силу двинуть использование этих огромных природных богатств на пользу народа», «поддержки этой власти многомиллионными массами рабочих и крестьян», такого строя, который был бы свободен от неизлечимых болезней капитализма», «партии, достаточно сплочённой и единой для того, чтобы направить усилия всех лучших людей рабочего класса в одну точку».

Сталин исходил из поэтапного движения страны к социализму. Когда на XIV съезде партии (1925 г.) Сталин выдвинул программу индустриализации страны, он, приведя множество статистических данных в своем отчетном докладе, так оценивал характер советского строя: «Наш строй в целом нельзя еще назвать ни капиталистическим, ни социалистическим. Наш строй в целом есть переходный от капитализма к социализму, – где всё ещё преобладает, в смысле объёма продукции, частнокапиталистическое крестьянское производство, но где доля социалистической промышленности растёт непрерывно». Из этого вывода следовали задания,

которые предусматривали дальнейшую индустриализацию страны. По инициативе Сталина XIV съезд был назван «съездом индустриализации».

Достижения в развитии страны позволили Сталину в отчетном докладе на XV съезде партии, приведя большое количество фактов и статистических сведений, констатировать значительные перемены, происшедшие за два года: «Страна наша идёт к социализму уверенно и быстро, оттесняя на задний план и вытесняя шаг за шагом из народного хозяйства капиталистические элементы». Из этого вывода следовала задача, которую ставил Сталин: «Закрепить достигнутый темп развития социалистической промышленности и усилить его в ближайшем будущем на предмет создания благоприятных условий, необходимых для того, чтобы догнать и перегнать передовые капиталистические страны».

Чтобы добиться этой победы исторической важности, Сталин ставил и другие задачи: «Расширять и укреплять наши социалистические командные высоты во всех отраслях народного хозяйства, как в городе, так и в деревне, держа курс на ликвидацию капиталистических элементов в народном хозяйстве... Поставить очередной практической задачей постепенный перевод распылённых крестьянских хозяйств на рельсы объединённых, крупных хозяйств, на общественную, коллективную обработку земли на основе интенсификации и механизации земледелия в расчёте, что такой путь является важнейшим средством ускорения темпа развития сельского хозяйства и преодоления капиталистических элементов в деревне».

Вопреки сопротивлению Бухарина и его сторонников, Сталин добился того, что коллективизация была объявлена главной задачей. XV съезд был объявлен «съездом коллективизации».

Никогда не отделяя развитие СССР от процессов, происходящих во всем мире, Сталин постоянно изучал всю доступную информацию о положении в мире, включая разведанные из-за рубежа. На этой основе он делал обоснованные прогнозы дальнейшего развития международных событий. Так, в своем отчетном докладе на XVI съезде партии (июнь – июль 1930 г.) Сталин обратил особое внимание на мировой экономический кризис, разразившийся в октябре 1929 года. В то время как многие политики и даже экономисты различных стран мира утверждали, что речь идет о временном спаде, который завершится к концу 1930 года, последующие события показали, что Сталин оказался прав, когда подчеркивал, что «нынешний кризис нельзя рассматривать, как простое повторение старых кризисов», что «нынешний кризис является самым серьезным и самым глубоким кризисом из всех существовавших до сих пор мировых экономических кризисов».

Сталин оказался также прав, предсказав, что «мировой экономический кризис будет перерастать в ряде стран в кризис политический. Это значит, во-первых, что буржуазия будет искать выхода из положения в дальнейшей фашизации в области внутренней политики». Не ошибся Сталин, указав на то, что «во-вторых... буржуазия будет искать выхода в новой империалистической войне в области внешней политики».

Проанализировав международную обстановку, Сталин в 1928 году пришел к выводу: «Противоречие между капиталистическим миром и СССР... не ослабевает, а усиливается. Нарастание этого противоречия не может не быть чревато опасностью военной интервенции... Опасность новых империалистических войн и интервенций является основным вопросом современности». Вместе с тем он еще в 1921 году предлагал: «Использовать все и всякие противоречия и конфликты между окружающими нашу страну капиталистическими группами и правительствами в целях разложения империализма». Этими принципами Сталин руководствовался перед войной и в ходе войны.

Исходя из наличия возможностей в СССР для ускоренного движения вперед и сравнивая ситуацию в стране с положением в остальном мире, Сталин сделал вывод: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Этот прогноз оказался точным. Если бы к февралю 1941 года

СССР не приблизился к уровню передовых стран в создании оборонной промышленности, вряд ли он бы смог устоять через несколько месяцев под натиском нападения гитлеровской Германии.

На основе глубокого и поэтапного анализа развивавшихся процессов вырастали поэтапные планы грядущего развития страны. Если сталинский анализ пройденного пути уподобить глубоким шахтам, то можно представить, что они использовались для запуска многолетних планов развития, которые как многоступенчатые ракеты устремлялись к дальним целям. Советский Союз, руководители которого постоянно проверяли свою текущую деятельность на основе марксистского анализа исторического развития общества, стал первой страной в мире, в которой начали разрабатывать планы развития хозяйства на многолетнюю перспективу.

Программа ускоренного движения страны вперед, выдвинутая Сталиным, была встречена в штыки Троцким, Зиновьевым, Каменевым и их сторонниками, а затем Бухариным и его единомышленниками, которые держались за книжные схемы, не умея применять диалектический метод. В отличие от них Сталин, как всегда, полагался на свое главное идейное оружие – марксистскую теорию диалектического материализма. Правда, полагаясь порой на недоброкачественную информацию или выдавая желаемое за действительное, Сталин иногда делал неверные выводы. Поэтому порой его прогнозы и планы оказывались ошибочными.

Однако тот же метод диалектического материализма помогал ему увидеть корни своих ошибок и принимать меры к их исправлению.

Глава 5. Кем были коммунисты 30-х годов?

Разгром всех оппозиционных групп в партии привел к тому, что сталинский курс на ускоренное развитие страны получил полную поддержку в партии. Единство и сплоченность партии постоянно подчеркивались в пропаганде. Однако между членами партии существовали немалые различия. Партия не была однородной по своему социальному составу. Между членами партии существовала разница в уровне образования, культуры и жизненном опыте. Члены партии заметно различались в зависимости от их партийного стажа. Принадлежность к той или иной категории, особенно в зависимости от партстажа, во многом определяла положение коммунистов в партии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.